

СТИВЕН

ПЕСНЬ СЮЗАННЫ

КИНГ

Темная Башня

Стивен Кинг

Песнь Сюзанны

«Издательство АСТ»

2004

Кинг С.

Песнь Сюзанны / С. Кинг — «Издательство АСТ»,
2004 — (Темная Башня)

ISBN 5-17-033700-0

Странствие Роланда Дискейна и его друзей близится к завершению... Но теперь на пути катета последних стрелков возникает новое препятствие. Бесследно исчезла Сюзанна, носящая в себе дитя-демона – будущего великого стрелка, которому силы Тьмы предрекли жребий убийцы Роланда. Катет отправляется на поиски Сюзанны... Читайте шестую, предпоследнюю книгу легендарного сериала «Темная Башня»!

ISBN 5-17-033700-0

© Кинг С., 2004
© Издательство АСТ, 2004

Содержание

Строфа 1	5
1	5
2	9
3	10
Строфа 2	16
1	16
2	18
3	21
4	24
5	26
6	27
7	30
8	32
Строфа 3	33
1	33
2	37
3	39
4	41
Строфа 4	43
1	43
2	47
3	50
4	51
Строфа 5	53
1	53
2	55
3	60
4	61
5	66
Строфа 6	68
1	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Стивен Кинг

Песнь Сюзанны

Тэбби, которая знает, когда это писалось

Тогда иди. Есть и другие миры, кроме этого.
Джон «Джейк» Чеймберз

*Девушки бедной жизнь печали полна,
Видно, ни дня без забот не дано мне узнать.
Слепо бреду через жизнь совсем одна,
Нет ни друзей, ни подруг путь указать...¹*

Народная песня

Все, что угодно сделать Богу, и есть справедливость.
Лейф Энгер. «Мир, как река»

Строфа 1

Крушение Луча

1

– Как долго продержится магия?

Поначалу никто не ответил на вопрос Роланда, поэтому он задал его вновь, на этот раз подняв глаза на двух Мэнни, сидевших против него в гостиной дома отца Каллагэна, Хенчека и Кантаба, мужа одной их многочисленных внучек патриарха. Они держались за руки, по обычаю Мэнни. Старик потерял в этот день внучку, но, если и скорбел, на суровом, окаменевшем лице никаких эмоций не отражалось.

Рядом с Роландом – никого не державший за руку, молчаливый и смертельно бледный Эдди Дин. Чуть дальше, на полу, скрестив ноги, устроился Джейк Чеймберз. Причем затащил Ыша себе на колени, такого Роланд никогда не видел и, если ему кто сказал, не поверил бы, что ушастик-путаник позволит с собой так обращаться. И Эдди, и Джейка забрызгала кровь. Джейка – его друга Бенни Слайтмана. Эдди – Маргарет Эйзенхарт, в девичестве Маргарет из клана Красной тропы, погибшей в бою внучки Хенчека. И Эдди, и Джейк выглядели уставшими, не меньше устал и сам Роланд; между тем никто не сомневался, что в эту ночь рассчитывать на отдых не придется. Из города доносились приглушенные расстоянием треск фейерверков, пение и радостные крики.

Здесь же никто ничего не праздновал. Бенни и Маргарет умерли, Сюзанна пропала.

– Хенчек, скажи мне, прошу тебя, как долго продержится магия?

Старик рассеянно погладил бороду.

– Стрелок... Роланд... не могу сказать. Магия двери в этой пещере мне неведома. И это тебе хорошо известно.

– Тогда скажи мне, что думаешь. Основываясь на том, что знаешь.

Эдди вскинул руки. Грязные, с кровью под ногтями, они заметно дрожали.

– Скажи, Хенчек, – голос жалкий, потерянный, Роланд слышал такой впервые. – Скажи, прошу тебя.

Розалита, домоправительница отца Каллагэна, вошла с подносом в руках. Принесла чашки и кувшин с только что сваренным кофе. Хотя она и сменила залитые кровью, вымазанные землей джинсы и рубашку на платье, но в глазах застыл ужас пережитого. Они смотрели с ее лица, как маленькие зверьки из норок. Безмолвно разлила кофе, раздала чашки. И ей не удалось полностью отмыться от крови, отметил Роланд, беря одну из чашек. На тыльной стороне правой ладони осталось красное пятнышко. Кровь Маргарет или Бенни? Он не знал. Да и не хотел. Волки побеждены. Они могли больше никогда не вернуться в Калья Брин Стерджис, но могли и вернуться. Это забота ка. А вот их забота – Сюзанна Дин, которая внезапно исчезла, когда бой закончился, прихватив с собой Черный Тринадцатый.

– Ты спрашиваешь о кавен? – откликнулся Хенчек.

– Да, отец, – кивнул Роланд. – О стойкости магии.

Отец Каллагэн взял чашку кофе, кивнул, нервно улыбнулся, но не поблагодарил. По возвращении из пещеры он произнес лишь несколько слов. На коленях лежал роман «Салемс-Лот»², написанный человеком, о котором он никогда не слышал. Указывалось, что персонажи и события этой книги – вымысел, однако он, Доналд Каллагэн, был одним из главных героев. Жил в городке, где разворачивалось действие романа, принимал участие во всех ключевых эпизодах. Он уже перевернул книгу, осмотрел заднюю сторону супера и клапан, в странной уверенности, что увидит собственную физиономию (вернее, физиономию того Доналда Каллагэна, каким он был в 1975 году, когда все это и произошло), но фотография отсутствовала, да и об авторе романа издатели смогли написать лишь несколько строк. Живет в штате Мэн. Женат. До этого опубликовал роман, хорошо принятый критиками, если верить приведенным на задней стороне супера цитатам.

– Чем сильнее магия, тем она более стойкая, – ответил Кантаб и вопросительно посмотрел на Хенчека.

– Ага, – подтвердил Хенчек. – Магия и волшба, они едины. И разворачиваются назад. – Он помолчал. – Тянутся из прошлого, ты понимаешь.

– Эта дверь открывалась во многих местах и во многих временах в мире, откуда пришли мои друзья. – Роланд помолчал. – Я хочу, чтобы она открылась вновь, точно так же, как два последних раза. Самых последних. Такое возможно?

Они ждали, пока Хенчек и Кантаб обдумывали вопрос. Мэнни много и часто путешествовали во времени и пространстве. Если кто-нибудь знал, если кто-нибудь мог исполнить то, чего хотел Роланд, чего хотели они все, обращаться, несомненно, следовало к Мэнни.

Кантаб наклонился к старику, дину клана Калья Красной тропы. Что-то прошептал. Хенчек выслушал с каменным лицом, узловатой старческой рукой повернул голову Кантаба, прошептав что-то в ответ.

Эдди заерзал, и Роланд почувствовал, что он вот-вот сорвется, может, даже закричит. Положил руку ему на плечо – Эдди затих. По крайней мере на время.

Мэнни шептались минут пять, остальные ждали. Доносящийся из города праздничный гул все сильнее раздражал Роланда, он хорошо представлял, каково сейчас Эдди.

Наконец Хенчек похлопал Кантаба по щеке и повернулся к Роланду:

– Мы думаем, такое возможно.

– Слава Богу, – пробормотал Эдди. Добавил, уже громче: – Слава Богу! Так пошли туда. Мы можем встретиться на Восточной дороге...

Оба бородача покачали головами, на лице Хенчека отразилось сожаление, Кантаба – прямо-таки ужас.

² Роман «Салемс-Лот» в нашей реальности на языке оригинала («Salem's Lot») опубликован в 1975 г. На русском языке издавался неоднократно под разными названиями. В издательстве АСТ впервые вышел в 2000 г. под названием «Жребий». – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Мы не будем подниматься к Пещере голосов в темноте, – ответил Хенчек.

– Мы должны! – закричал Эдди. – Вы не понимаете! Речь не о том, как долго продержится или не продержится магия, речь о времени на той стороне! Там оно бежит быстрее, а как только оно уйдет, будет поздно! Господи, Сюзанна... возможно, рожает прямо сейчас, и, если это какой-нибудь людоед...

– Слушай меня, молодой человек, – оборвал его Хенчек, – и слушай внимательно, прошу тебя. День практически минул.

Так оно и было. Никогда на памяти Роланда день столь быстро не утекал сквозь пальцы. С Волками они сразились рано утром, чуть ли не на заре, какое-то время приходили в себя, праздновали победу на дороге и скорбели о потерях (на удивление небольших, учитывая силу и численность противника). Потом обнаружили, что Сюзанны нет, последовал бросок к пещере, где их ждали пренеприятные открытия. На Восточную дорогу, ставшую полем боя, они вернулись лишь после полудня. Большинство горожан ушло, торжествуя, уведя с собой детей. Хенчек с готовностью согласился посоветоваться с ними, но когда они все добрались до дома отца Каллагэна, солнце проделало уже немалый путь, скатываясь по небосводу.

«И все-таки этой ночью нам удастся отдохнуть», – подумал Роланд. Не мог решить – рад он этому или разочарован. Знал только одно: ему сон уж точно не повредит.

– Я слушаю и слышу, – воскликнул Эдди, но рука Роланда по-прежнему лежала на его плече. И чувствовала, что Эдди буквально трясет.

– Даже если бы мы согласились, не удалось уговорить пойти всех, кто нам нужен, – продолжил Хенчек.

– Ты – их дин, старший...

– Ага, ты так называешь меня, и, возможно, так оно и есть, хотя это и не наше слово, ты ведь знаешь. В чем другом они последовали бы за мной, ведь им известно, в каком долгу перед вашим ка-тетом за то, что вы сегодня сделали, и захотели бы достойно отблагодарить вас. Но с наступлением темноты никто не пойдет по тропе, поднимающейся к пещере, наводненной призраками. – Хенчек медленно покачивал головой, придавая еще большую убедительность своим словам. – Нет... не пойдет.

Послушай, молодой человек. Кантаб и я успеем вернуться в Кратен Красной тропы до наступления ночи. Там мы соберем всех наших в Темпа, для нас это то же самое, что Зал собраний для забывших людей. – Он коротко глянул на Каллагэна. – Я извиняюсь, отец, если это слово оскорбляет тебя.

Каллагэн рассеянно кивнул, не отрываясь от книги, которую все вертел в руках. Ее упрятали в пластик, как часто поступают с дорогими первыми изданиями. На форзаце чуть просматривалась написанная карандашом цена: \$950. Второй роман какого-то молодого писателя. Каллагэну оставалось только гадать, отчего книга такая дорогая. Он собирался спросить об этом владельца книги, Келвина Тауэра, если их пути пересекутся. И за этим вопросом последовали бы другие.

– Мы объясним, что вы хотите, вызовем добровольцев. Из шестидесяти восьми мужчин Кратена Красной тропы. Я уверен, что все, кроме четырех или пяти, согласятся помочь, слить свою энергию воедино. Получится мощный кхеф. Так вы это называете? Кхеф? Участие? Все в одном?

– Да, – кивнул Роланд. – Разделенная вода, говорим мы.

– Вам никогда не удастся разместить столько людей на входе в пещеру, – подал голос Джейк. – Не удастся разместить и половины, даже если они залезут друг другу на плечи.

– Нет нужды, – ответил Хенчек. – В пещеру войдут самые сильные... кого мы называем излучателями. Остальные выстроятся вдоль тропы, соединенные руками друг с другом и с отвесами.

– В любом случае нам нужна эта ночь, чтобы подготовить магниты и отвесы, – добавил Кантаб. Он смотрел на Эдди, и во взгляде читались чувство вины и страх. Молодого человека терзала невыносимая боль, сомнений тут быть не могло. И он был стрелком. Стрелок мог ударить, а если уж стрелок наносил удар, то никогда не бил вслепую.

– Возможно, будет слишком поздно, – прошептал Эдди. Вскинул на Роланда светло-карие, ореховые глаза. Только теперь они налились кровью и потемнели от усталости. – Завтра будет слишком поздно, даже если магия никуда не денется.

Роланд открыл рот, но Эдди поднял палец.

– Не говори ка, Роланд. Если еще раз скажешь ка, клянусь, моя голова разорвется.

Роланд промолчал. Эдди повернулся к двум бородатым мужчинам в темных, почти как у квакеров, плащах.

– Вы не можете с уверенностью утверждать, что магия продержится, не так ли? То, что можно открыть сегодня, завтра может закрыться для нас навсегда. И все магниты и отвесы, которыми владеют Мэнни, не смогут это открыть.

– Ага, – кивнул Хенчек. – Но твоя женщина взяла с собой магический кристалл, и что бы ты ни думал, оставленный им след в Срединном мире и Пограничье никуда не делся.

– Я бы продал душу, лишь бы вернуть его и взять в руки, – отчеканил Эдди.

Все ужаснулись, услышав эти слова, даже Джейк, и Роланд почувствовал сильное желание сказать Эдди, что тот должен взять свои слова назад, загнать обратно, за губы и язык. Слишком уж мощные силы противились их поискам Башни, темные силы, и в Черном Тринадцатом силы эти в полной мере проявляли себя. Все, что могло помочь, в той же мере могло и навредить, магические кристаллы радуги Мейрлина умели творить зло, особенно Черный Тринадцатый. Возможно, злобы в нем было столько же, как во всех остальных, вместе взятых. Даже если бы кристалл по-прежнему находился у них, Роланду пришлось приложить немало усилий, дабы не подпустить к нему Эдди Дина. В его теперешнем состоянии, когда от горя мысли мутились и он не мог взять себя в руки, Черный Тринадцатый либо уничтожил бы Эдди, либо мгновенно превратил в своего раба.

– Камень мог бы пить, если б у него был рот, – сухо заметила Розалита, удивив всех. – Эдди, даже если забыть про магию, подумай о тропе, что ведет к пещере. Потом подумай о шести десятках мужчин – многие такие же старые, как Хенчек, один или двое слепы, как летучие мыши, – которым придется подниматься по ней в темноте.

– Валун, – добавил Джейк. – Не забывай о валуне, его приходится огибать с висящими над пропастью пятками.

Эдди с неохотой кивнул. Роланд видел: он старается принять то, что не может изменить. Борется с охватывающим его безумием.

– Сюзанна Дин тоже стрелок, – напомнил Роланд. – Может, какое-то время она сможет позаботиться о себе.

– Я не думаю, что Сюзанна сейчас главная, – покачал головой Эдди, – и ты так не думаешь. Это ребенок Миа, в конце концов, а потому тело будет контролировать Миа, по крайней мере до того момента, как ребенок... малой... появится на свет.

Но Роланду интуиция подсказывала другое, и, как не раз бывало в прошлом, она не подвела его и на этот раз.

– Она, возможно, контролировала тело, когда они уходили отсюда, но потом ей скорее всего пришлось отдать бразды правления.

Вот тут заговорил Каллагэн, наконец-то оторвавшись от книги, которая ввела его в ступор:

– Почему?

– Потому что это не ее мир, – ответил Роланд. – Они перенеслись в мир Сюзанны. И могут умереть обе, если не научатся ладить друг с другом.

2

Хенчек и Кантаб отправились к Мэнни клана Красной тропы, чтобы собрать старейшин (разумеется, исключительно мужчин) и рассказать им сначала о событиях этого долгого дня, потом о затребованной плате. Роланд ушел с Розалитой в ее коттедж, стоящий на склоне холма, повыше еще недавно аккуратной будки туалета, теперь превращенной в руины. А в туалете вечным, но уже бесполезным часовым застыл Энди, робот-посыльный (со многими другими функциями). Розалита медленно раздела Роланда. Когда он остался в чем мать родила, вытянулась рядом с ним на кровати и натерла его особыми маслами: кошачьим, снимающим боль в суставах, и более густым, чуть ароматизированным, для самых нежных мест. Потом они занялись любовью. Кончили вместе (случайность, которую дураки принимают за знак судьбы); лежали, вслушиваясь в треск петард, все еще взрывающихся на Главной улице Калья Брин Стерджис, и в радостные крики горожан, что, крепко набравшись, все никак не могли угомониться.

– Спи, – прошептала Розалита. – Завтра я уже не увижу тебя. Ни я, ни Эйзенхарт или Оуверхолсер, ни кто-либо другой в Калье.

– Так ты способна видеть будущее? – спросил Роланд. В голосе слышалась расслабленность, веселые нотки, но даже в разгаре любовных утех, когда он овладел Розалитой и они вместе поднимались к вершине блаженства, Сюзанна не выходила у него из головы: пропавшая часть его ка-тета. Если бы и не было других проблем, этой одной вполне хватало, чтобы лишить Роланда покоя.

– Нет, – ответила она, – но иногда у меня бывают предчувствия, как и у любой женщины, особенно когда ее мужчина собирается уйти.

– Так вот кто я для тебя? Твой мужчина?

В ее взгляде читались смущение и уверенность.

– На то короткое время, которое ты пробыл здесь, да, мне бы хотелось так думать. Ты считаешь, что я ошибаюсь, Роланд?

Он мотнул головой. Это приятно, когда женщина называет тебя своим мужчиной, пусть и на короткое время.

Она увидела, что он не шутит, и ее лицо смягчилось. Погладила Роланда по впалой щеке.

– Хорошо, что мы встретились, Роланд, не так ли? Хорошо, что мы встретились в Калье.

– Ага, женщина.

Она прикоснулась к изуродованной правой руке, потом к правому бедру.

– Болит?

Ей он врать не стал.

– Ужасно.

Она кивнула, потом взялась за левую руку, которую он сумел уберечь от омароподобных чудовищ.

– А эта?

– Нормально, – ответил он, уже чувствуя, как боль собирается в глубине, тайком выжидая момента, чтобы нанести удар. Сухой скрут, так называлась эта болезнь в Гилеаде.

– Роланд! – позвала она.

– Да?

Она встретила с ним взглядом. Все еще держа за левую руку, визнавая все ее секреты.

– Заверши свое дело как можно скорее.

– Это твой совет?

– Да, любимый! До того, как оно прикончит тебя.

3

Эдди сидел на заднем крыльце дома отца Каллагэна, когда наступила полночь и День битвы на Восточной дороге, как называли его жители Кальи Брин Стерджис, ушел в историю (чтобы потом стать легендой... при условии, что мир просуществует достаточно долго, и такое сможет случиться). В городе шум праздника все нарастал, и у Эдди даже возникли опасения, как бы горожане от избытка чувств не спалили всю Главную улицу. Он стал бы возражать? Отнюдь, я говорю, спасибо, делайте что пожелаете. Пока Роланд, Сюзанна, Джейк, Эдди и три женщины, Сестры Орисы, сражались с Волками, остальные жители Кальи прятались то ли в городе, то ли на рисовом поле у реки. Однако через десять лет, а то и через пять, они наверняка будут утверждать, что однажды осенью превзошли сами себя, встав плечом к плечу со стрелками.

В такой оценке объективностью и не пахло, какая-то его часть прекрасно это понимала. Но сейчас Эдди это мало волновало: никогда в жизни он не чувствовал себя таким несчастным, таким потерянным, а потому его и распирала злоба. Он говорил себе: не думай о Сюзанне, не гадай, где она, родила демонское отродье или нет, но мысли никак не удавалось отогнать. Она отправилась в Нью-Йорк, хоть с этим была полная ясность. Но в какой год? Увидит освещенные газовыми фонарями улицы, по которым чинно проезжают двуколки-кебы, или ее встретят антигравитационные такси, управляемые роботами производства «Северного центра позитроники»?

И жива ли она?

Он отшатнулся бы от этой мысли, если мог, но разум бывает таким жестоким. Он видел ее лежащей в канаве где-нибудь в Алфавит-Сити³ с вырезанной на лбу свастикой и висящим на шее листком с надписью ПРИВЕТ ОТ ДРУЗЕЙ ИЗ ГОРОДА ОКСФОРД.

За его спиной открылась кухонная дверь. Послышались мягкие шаги босых ног (слух у него давно уже обострился, острота всех чувств – неотъемлемая часть снаряжения стрелка) и поскребывание когтей. Джейк и Ыш.

Мальчик сел рядом с ним в кресло-качалку Каллагэна. В той же одежде, с самодельной кубурой. В ней лежал «ругер», украденный Джейком у отца в тот день, когда он сбежал из дома. Сегодня он уже пролил кровь. Нет, не кровь. Машинное масло? Эдди чуть улыбнулся. Хотя ему было не до смеха.

– Не можешь спать, Джейк?

– Эйк, – согласился Ыш и плюхнулся у ног Джейка, положив голову на доски пола между лап.

– Не могу, – кивнул Джейк. – Все думаю о Сюзанне. – Он помолчал. – И о Бенни.

Эдди понимал, это естественно, мальчик видел, как его друга разнесло в клочья буквально на его глазах, само собой, Джейк думал о нем, и все-таки Эдди почувствовал укол ревности: ему хотелось, чтобы все мысли Джейка сосредоточивались на Сюзанне Дин.

– Этот Тавери, – продолжил Джейк. – Его вина. Запаниковал. Побегал. Сломал лодыжку. Если б не он, Бенни был бы сейчас жив, – и очень тихо, но Эдди не сомневался, услышь это подросток, о котором шла речь, у того бы похолодело сердце, добавил: – Фрэнк... гребаный... Тавери.

Эдди протянул руку, которая не хотела утешать, и заставил себя коснуться головы Джейка. Волосы слишком длинные. Их давно пора вымыть. Черт, и постричь. А еще ему нужна мать, только тогда можно гарантировать, что мальчик будет окружен должной заботой. Но нет

³ Алфавит-Сити – пренебрежительное название Гарлема.

никакой матери, во всяком случае, для Джейка. И тут случилось маленькое чудо: утешая мальчика, Эдди вдруг тоже взбодрился. Не так чтобы очень, но все же.

– Не терзайся, – посоветовал он. – Сделанного не вернешь.

– Ка, – с горечью выдохнул Джейк.

– Ки-йет, ка, – подхватил Ыш, не поднимая головы.

– Аминь. – С губ Джейка сорвался смешок. Но уж очень холодный. Джейк достал из самодельной кобуры «ругер», посмотрел на него. – Этот сможет вернуться обратно, потому что пришел с той стороны. Так говорит Роланд. Другие, возможно, тоже смогут, потому что мы попадем туда не посредством Прыжка. Если нет, Хенчек спрячет оружие в пещере, и, возможно, нам удастся за ним вернуться.

– Если мы попадем в Нью-Йорк, – заметил Эдди, – револьверов и пистолетов там навалом. И мы их найдем.

– Но не такие, как револьверы Роланда. Я очень надеюсь, что они перенесутся в наш мир. Таких не осталось ни в одном из миров. Я в этом не сомневаюсь.

Эдди придерживался того же мнения, но не стал его озвучивать. Из города в очередной раз донесся грохот петард, потом все стихло. Праздник сходил на нет. Наконец-то сходил на нет. Завтра, несомненно, он продолжится, в Павильоне и около него, выпивки будет поменьше, речей побольше. Роланда и весь ка-тет ждали в качестве почетных гостей, но, если боги будут к ним милостивы и дверь откроется, они уже покинут Калью Брин Стерджис. Охотясь за Сюзанной. Ища Сюзанну. Какая там охота. *Поиски.*

И словно читая мысли Эдди (а он мог и читать, это его шестое чувство, прикосновение, набирало и набирало силу), Джейк нарушил повисшую на заднем крыльце тишину:

– Она все еще жива.

– Откуда ты знаешь?

– Мы все почувствовали бы ее смерть.

– Джейк, ты можешь дотянуться до нее?

– Нет, но...

Прежде чем он успел закончить фразу, из-под земли донеслось глухое рычание. Крыльцо неожиданно начало подниматься и опускаться, словно лодка на волнах. Они слышали, как скрипят доски. Из кухни донеслось дребезжание посуды, словно кто-то стучал зубами. Ыш поднял голову и заскулил. На маленькой лисей мордочке отразилось изумление, уши крепко прижались к голове. В гостиной Каллагэна что-то упало и разбилось.

Первой в голову Эдди пришла мысль алогичная, но настырная, что Джейк убил Сюзи, просто объявив ее живой.

На мгновение дрожь земли усилилась. Разлетелось оконное стекло, буквально вывернутое из рамы. Из темноты донесся грохот. Эдди предположил, и правильно, что окончательно рухнула будка туалета. Он уже вскочил, не отдавая себе в этом отчета. Джейк стоял рядом, ухватившись за его руку, в другой держа «ругер». И Эдди успел выхватить револьвер Роланда, так что оба застыли, изготовившись к стрельбе.

Под землей зарычало особенно громко, а потом крыльцо вновь обрело устойчивость. Во многих ключевых точках вдоль Луча люди просыпались и в недоумении оглядывались. На улицах одного Нью-Йорка в нескольких автомобилях включились противоугонные сигнализации. На следующий день газеты сообщили о слабом землетрясении, результатом которого стали разбитые окна. Обошлось без жертв. Лишь дрогнула скальная плита, на которой стоял город.

Джейк уже смотрел на Эдди широко раскрытыми глазами. Он знал.

За их спинами открылась кухонная дверь, на крыльцо вышел Каллагэн в белых подштанниках до колен с золотым крестом на груди.

– Землетрясение, что ли? – спросил он. – Однажды я попал в одно, в Северной Калифорнии, но Калью не трясло ни разу.

– Гораздо хуже, чем землетрясение, – ответил Эдди и указал на восточный горизонт, где полыхали зеленые молнии. Ниже по склону скрипнула и открылась дверь коттеджа Розалиты, потом захлопнулась. Она и Роланд направились к дому отца Каллагэна вместе, Розалита – в ночной рубашке, стрелок – в джинсах, оба босиком.

Эдди, Джейк и Каллагэн спустились с крыльца им навстречу. Роланд пристально смотрел на уже гаснущие всполохи зеленых молний на востоке, где их ждала страна Тандерклеп, двор Алого Короля, край Крайнего мира и сама Темная Башня.

«Если, – подумал Эдди, – она еще стоит».

– Джейк как раз сказал, что мы все узнали бы, если б Сюзанна умерла, – подал голос Эдди. – Почувствовали бы. И тут это. – Он указал на лужайку отца Каллагэна, где появился новый горный хребет, разорвав мягкую почву на добрых десяти футах, чтобы показать вывернутые губы земли. В городе яростно лаяли собаки, но жители еще никак не отреагировали на случившееся. Эдди предположил, что большинство это знаменательное событие проспало. Как известно, пьяные спят крепко. – Но к Сюзи все это не имеет ни малейшего отношения. Так?

– Напрямую – нет.

– И это не наш, иначе разрушений было бы больше. Ты согласен?

Роланд кивнул.

Роза смотрела на Джейка, и в ее взгляде читались недоумение и страх.

– Что не наш, мальчик? О чем ты говоришь? Это было не землетрясение, ясно!

– Нет, – согласился Роланд, – лучетрясение. Один из Лучей, удерживающих Башню, которая удерживает все, только что приказал долго жить. Развалился.

Даже в слабом свете, долетающем от горящих на крыльце свечей, Эдди увидел, как побледнело лицо Розалиты Муньос. Она перекрестилась.

– Луч? Один из Лучей? Скажи нет! Скажи, это неправда!

Эдди вдруг вспомнил о давнишнем бейсбольном скандале. О каком-то мальчишке, умоляющем: «Скажи, что это неправда, Джо».

– Не могу, – ответил Роланд, – потому что так оно и есть.

– И сколько всего Лучей? – спросил Каллагэн.

Роланд посмотрел на Джейка, чуть кивнул: «Повтори свой урок, Джейк из Нью-Йорка, повтори и не отклонись от истины».

– Шесть Лучей связывают двенадцать Порталов, – заговорил Джейк. – Двенадцать Порталов находятся на двенадцати краях Земли. Роланд, Эдди и Сюзанна начали поиски Темной Башни от Портала Медведя и «извлекли» меня где-то между Порталом и Ладом.

– Шардик, – вставил Эдди. Он наблюдал, как заснут последние зеленые всполохи на востоке. – Так звали медведя.

– Да, Шардик, – согласился Джейк. – Так что мы находимся на Луче Медведя. Все лучи сходятся в Темной Башне. Наш Луч с другой стороны Башни?.. – Взгляд его остановился на Роланде, прося о помощи. Роланд в свою очередь повернулся к Эдди Дину. Даже теперь, похоже, Роланд не переставал учить их закону Эльда.

Эдди то ли не замечал, что Роланд смотрит на него, то ли решил проигнорировать его взгляд, но Роланд не отступился. «Эдди?» – прошептал он.

– Мы на Тропе Медведя, Пути Черепахи, – рассеянно ответил Эдди. – Я не знаю, имеет ли это какое-то значение, потому что дальше Темной Башни мы не пойдем, но по другую ее сторону Тропа Черепахи, Путь Медведя, – и он процитировал:

Смотри – ЧЕРЕПАХА, панцирь горой,
Тащит на нем весь шар земной.
Думает медленно, тихо ползет,

Всех нас знает наперечет...⁴

А с этого момента продолжила Розалита:

На панцире правды несет тяжкий груз,
Там долг и любовь заключили союз,
Она любит горы, леса и моря
И даже такую девчущку, как я.⁵

– Не совсем так, как я слышал в колыбели и учил своих друзей, – улыбнулся Роланд, – но достаточно близко, по праву и по крови.

– Великую черепаху звать Матурин. – Джейк пожал плечами. – Если это имеет какое-то значение.

– И ты не можешь сказать, какой из Лучей разрушился? – спросил Каллагэн, пристально глядя на Роланда.

Роланд покачал головой.

– Мы знаем только одно: Джейк прав и это не наш Луч. Если бы разрушился наш, в ста милях от Кальи Брин Стерджис не осталось бы живого места. А может, и в тысяче... кто скажет? Птицы, объятые огнем, падали бы с неба.

– Ты говоришь об Армагеддоне. – В тихом голосе Каллагэна слышалась тревога.

Роланд покачал головой, но не потому, что не соглашался со священником.

– Я не знаю этого слова, отец, но говорю о множестве смертей и великих разрушениях, это точно. И где-то, возможно, вдоль Луча, связывающего Рыбу и Крысу, такое случилось.

– Ты уверен, что это так? – прошептала Розалита.

Роланд кивнул. Однажды он это уже пережил, когда пал Гилеад, цивилизации, какой он ее себе представлял, пришел конец, а сам он стал изгнанником, обреченным скитаться с Катбертом, Аленом, Джейми и несколькими другими, оставшимися от их ка-тета. Тогда разрушился один из шести Лучей, и определенно не первый.

– Сколько должно остаться Лучей, чтобы удержать Башню? – спросил Каллагэн.

Пожалуй, впервые Эдди отвлекся от участи пропавшей жены. И теперь в его глазах, вскинутых на Роланда, читалось даже внимание. Почему нет? Вопрос-то Каллагэн задал основополагающий. Ведь говорилось: «Все служит Лучу», – и хотя, если не грешить против истины, все служило Башне, именно Лучи удерживали ее на месте. Если они рушились...

– Два, – ответил Роланд. – Я считаю, как минимум два. Тот, что проходит через Калью Брин Стерджис, и еще один. Но одному Богу известно, как долго они продержатся. Даже если не считать Разрушителей, которые постоянно их «подтачивают», я сомневаюсь, что они крепки, как скала. Нам нужно спешить.

Эдди окаменел.

– Если ты хочешь идти к Башне без Сюзи...

Роланд нетерпеливо мотнул головой, как бы предлагая Эдди не молоть всякую чушь.

– Без нее нам до Башни не добраться. Как мне представляется, не добьемся мы желаемого и без малого. Все в руках ка, но, как говорили в моей стране: «У ка нет ни сердца, ни разума».

– Под этим я готов подписаться, – буркнул Эдди.

– Возможно, у нас возникнет еще одна проблема, – вставил Джейк.

Эдди хмуро глянул на него.

– Слушай, проблем у нас и так хватает.

⁴ Перевод Н. Рейн.

⁵ Перевод Д. Тимановича.

– Я знаю, но... вдруг землетрясение завалило вход в пещеру? Или... – Джейк замялся, не желая озвучивать мысль, которая пугала его больше всего, – или обрушило всю пещеру?

Эдди протянул руку, схватился за рубашку Джейка, закрутил материю в кулаке.

– Не смей говорить такое! Даже не думай об этом!

Теперь они слышали голоса. Роланд догадался, что горожане вновь собираются на Главной улице. Он не сомневался, что не только прошедший день, но и эту ночь в Калье Брин Стерджис будут помнить добрую тысячу лет. Если, конечно, Башня простоит столь долго.

Эдди отпустил рубашку Джейка, ладонью разгладил складки. Попытался улыбнуться, отчего лицо его вдруг стало по-старчески сморщенным.

Роланд повернулся к Каллагэну.

– Мэнни все равно завтра придут? Ты знаешь их лучше меня.

Каллагэн пожал плечами.

– Хенчек – человек слова. А вот сможет ли он привести остальных после того, что произошло... за это, Роланд, я не поручусь.

– Лучше бы смог, – мрачно процедил Эдди. – Лучше бы смог.

– Как насчет того, чтобы сыграть в «Не зевай»⁶? – вдруг предложил Роланд из Гилеада.

Эдди вытаращился на него, не веря своим ушам.

– Мы все равно не уснем до утра, – пояснил стрелок. – Надо же как-то занять время.

Они начали играть в «Не зевай», и Розалита выигрывала сдачу за сдачей, мелом записывая результат на пластине сланца, но ее лицо ни разу не осветила торжествующая улыбка, более того, по мнению Джейка, на нем вообще не отражалось никаких эмоций. Ему вдруг захотелось воспользоваться прикосновениями, но он дал себе слово, что будет прибегать к помощи своего шестого чувства лишь по очень веским причинам. А заглядывать за бесстрастное лицо Розалиты... все равно что смотреть в щелочку, когда она раздевается. Или наблюдать через ту же щелочку, как они с Роландом занимаются любовью.

Однако игра продолжалась, и северо-восток в конце концов начал светлеть. Джейк все-таки догадался, о чем она думает, потому что сам думал о том же. На каком-то уровне своего сознания все они думали о двух последних Лучах, которые еще удерживали Башню, боясь, что один из них разрушится. Будут ли они искать Сюзанну, будет ли Розалита готовить обед, будет ли Бен Слайтман на ранчо Эйзенхарта скорбеть о погибшем сыне, – все они будут думать об одном и том же: осталось только два Луча, и Разрушители день и ночь воюют с ними, вгрызаются в них, уничтожают.

Когда наступит конец? Как все закончится? Услышат ли они грохот падения этих огромных, серовато-черных, цвета сланца, камней? Разорвется ли небо, как кусок ветхой ткани, выплеснув монстров, живущих во тьме, которую они ощущали вокруг себя во время Прыжка, или тодэша, как называли его Мэнни? Успеют ли они вскрикнуть от ужаса? Останется ли загробная жизнь, или крушение Темной Башни покончит и с адом, и с раем?

Он посмотрел на Роланда, послал мысль, насколько мог четкую и ясную: «Роланд, помоги нам!»

И получил ответ, наполнивший его разум слабым утешением (хотя даже слабое утешение лучше никакого): «Если смогу».

– «Не зевай», – объявила Розалита и вскрыла карты. Она собрала масть. Старшей лежала дама Смерти.

КУПЛЕТ: Кам-кам-каммала,
Девчонка от парня сбежала,
У него – пистолет,

⁶ «Не зевай» – карточная игра, похожая на покер.

А девчонки нет,
Девчонка ночью удрала!

ОТВЕТСТВИЕ: Кам-кам-каммала,
Девчонка от парня сбежала.
А он тоскует – но, между прочим,
С девчонкой еще не закончил!

Строфа 2

Стойкость магии

1

Насчет прихода Мэнни они могли не волноваться. Хенчек, суровый, как всегда, появился на площади у Павильона, определенную местом встречи, с сорока мужчинами. Он заверил Роланда, что они смогут открыть Ненайденную дверь, если она сохранила способность открываться после исчезновения, как он называл, «темного шара». Старик не стал извиняться за то, что привел меньше людей, чем обещал, но продолжал дергать себя за бороду. Иной раз обеими руками.

– Почему он это делает, отец, ты не знаешь? – спросил Джейк Каллагэна. Мэнни Хенчека уже ехали на восток в дюжине запряженных лошадьми фургонов. За ними, влекомый двумя ослами-альбиносами с невероятно длинными ушами и яростными розовыми глазами, катился двухколесный возок, полностью укрытый белой парусиной. Джейку он напомнил большой контейнер с «Джиффи поп»⁷ на колесах. Хенчек с мрачным видом сидел на возке в одиночестве, не оставляя в покое бороду.

– Думаю, он недоволен собой, – ответил Каллагэн.

– Но почему? Я удивлен, что их пришло так много, учитывая лучетрясение и все такое.

– Когда землю трянуло, он узнал, что высшие силы, которые за этим стоят, пугают его людей куда больше, чем он. Для Хенчека это равнозначно невыполненному обещанию. Причем не просто невыполненному обещанию, а обещанию, которое он давал своему старшему. Он потерял лицо. – А потом, не меняя тона, задал вопрос и выманил-таки из Джейка ответ, который иначе не получил бы: – Она все еще жива, ваша подруга?

– Да, но в у... – начал Джейк и прикрыл рот рукой. С укором посмотрел на Каллагэна. Впереди, на двухколесном возке, Хенчек резко обернулся, посмотрев на них, словно в споре они слишком уж возвысили голоса. «Любопытно, – подумал Каллагэн, – неужели в этой чертовой истории мысли умеют читать все, кроме меня?»

Только это не история. Не история – моя жизнь.

Но в последнее верилось с трудом, если ты прочел о себе в тексте, набранном типографским шрифтом, узнал в главном персонаже книги со словом «ВЫМЫСЕЛ» на странице с указанием копирайта, выпущенной издательством «Даблдей энд Компани» в 1975 году. В книге о вампирах, которых, по всеобщему убеждению, в реальной жизни не существовало. Да только они существовали. И по крайней мере в некоторых мирах, соседствующих с этим, никуда не делись и поныне.

– Не расставляй мне таких ловушек, – прервал его раздумья Джейк. – Не заманивай меня в них. Не делай этого, если мы все в одной лодке, отец. Хорошо?

– Сожалею, – ответил Каллагэн. – Прости.

Джейк чуть улыбнулся и погладил Ыша, сидевшего в нагрудном кармане пончо.

– Она...

Мальчик покачал головой.

– Сейчас я не хочу о ней говорить, отец. Лучше всего даже не думать о ней. У меня такое чувство, не знаю, может, ничего этого и нет, но чувство сильное, будто ее что-то ищет. И если это так, лучше не давать ему подслушивать нас. А оно может.

⁷ «Джиффи поп» – консервированный полуфабрикат воздушной кукурузы.

– Что-то?..

Джейк протянул руку и коснулся шейного платка Каллагэна, повязанного на ковбойский манер. Красного платка. Потом на мгновение прикрыл рукой левый глаз. Поначалу Каллагэн не понял, потом до него дошло. Красный глаз. Глаз Короля.

Он откинулся на спинку сиденья и больше ничего не сказал. Позади Роланд и Эдди ехали верхом и тоже молчали. Оба взяли с собой не только оружие, но и заплечные мешки. Ранец Джейка тоже лежал в фургоне. Если после сегодняшнего дня они и вернулись бы в Калью Брин Стерджис, то ненадолго.

«В ужасе» – вот что собирался сказать Джейк, но на деле все обстояло гораздо хуже. Потому что до него доносился невероятно слабый, невероятно далекий, но достаточно отчетливый крик Сюзанны. Он надеялся, что Эдди его не слышал.

2

Они все дальше отъезжали от города, жители которого, несмотря на землетрясение, в большинстве своем спали после эмоционального стресса, выпавшего на их долю прошлым днем. Утро выдалось холодным, так что воздух паром выходил изо рта, а засохшие стебли кукурузы покрывали корочки инея. Над Девар-Тете, словно дыхание реки, висел туман. «Зима на подходе», – подумал Роланд.

Через час начали попадаться пересохшие русла рек. Стоящая вокруг тишина нарушалась только позвякиванием постромок, скрипом колес, всхрапыванием лошадей, редким сардоническим криком одного из ослов-альбиносов, запряженных в возок, и далекими воплями расти. Должно быть, летели на юг, если все еще могли его найти.

Через десять или пятнадцать минут после того, как земля справа от дороги начала заметно подниматься, наполняясь, помимо сухих русел, утесами, обрывами и холмами с плоскими вершинами, они вернулись на то самое место, куда двадцать четыре часа назад пришли с детьми Кальи и сразились с Волками. Здесь от Восточной дороги ответвлялся проселок и тянулся на северо-запад. А в кювете по другой стороне дороги осталась траншея, в которой поджидали Волков Роланд, его ка-тет и Сестры Орисы.

Кстати, а где же эти Волки, коль уж о них зашла речь? Вчера, когда они покидали поле боя, дорога осталась заваленной их телами. Числом более шестидесяти, эти человекоподобные существа прискакали с запада, в серых рейтузах, серых плащах, с оскаленными волчьими масками вместо лиц.

Роланд спешился и подошел к Хенчеку, который неуклюже, сказывался возраст, слезал с двухколесного возка. Роланд не сделал попытки ему помочь. Хенчек и не ожидал помощи, он мог даже обидеться, получив ее.

Стрелок дождался, пока тот одернет темный плащ, и уже собрался задать вопрос, но потом понял, что без него можно обойтись. В сорока или пятидесяти ярдах, чуть дальше по дороге, на ее правой стороне появился большой холм из вырванных с корнем кукурузных стеблей, которого не было днем раньше. Погребальный костер, догадался Роланд, только сложенный безо всякого почтения к павшим. Больше ему не пришлось напрягаться, прикидывая, как горожане провели вторую половину вчерашнего дня, до начала праздника, после которого они сейчас отсыпались; он видел перед собой плоды их трудов. Они что, боялись, будто Волки могут ожить, спросил он себя, и на каком-то уровне сознания пришел к выводу, что да, именно этого они и боялись. Вот и перетащили тяжелые, неподвижные тела (серых лошадей и одетых в серое Волков) на кукурузное поле, навалили друг на друга, забросали вырванными с корнями стеблями кукурузы. И сегодня собирались этот костер запалить. А если бы подул семирон? Роланд не сомневался, что даже угроза выжечь всю растительность на плодородной земле между рекой и дорогой не изменила их планов. И понятно почему. Урожай собран, до вспашки еще полгода, зола и пепел – отличное удобрение, это знает любой крестьянин. А кроме того, они не будут спать спокойно, пока не сгорит этот рукотворный холм.

– Роланд, посмотри. – В голосе Эдди слышались печаль и ярость. – Ах, черт побери, ты только посмотри!

На проселке, около того места, где Джейк, Бенни Слайтман и близнецы Тавери затаились перед последним броском через дорогу, стояла, блестя остатками хрома на солнце, помятая и ободранная коляска Сюзанны с измазанным пылью и кровью сиденьем, погнутым левым колесом.

– Почему ты говоришь во злобе? – спросил Хенчек. К нему присоединился Кантаб и полдюжины стариков-Мэнни, которых Эдди, из-за их одежды, иной раз называл Плащами. Как минимум двое из них возрастом значительно превосходили Хенчека, и Роланду вспомни-

лись слова Розалиты: «Многие такие же старые, как Хенчек, один или двое слепы, как летучие мыши, и им придется подниматься по горной тропе в темноте». Сейчас, конечно, о темноте речь не шла, но он не знал, как некоторые из них сумеют добраться до самого крутого участка тропы, не говоря уже о том, чтобы подняться к пещере.

– Они принесли катящийся стул твоей женщины, чтобы почтить ее. И тебя. Так почему ты говоришь во злобе?

– Потому что мне хочется, чтобы он был целым, а не разбитым, и она сидела в нем, – ответил Эдди старику. – Ты это понимаешь, Хенчек?

– Злость – самая бесполезная из эмоций, – ровным голосом ответил старик. – Разрушает мозг и вредит сердцу.

Губы Эдди утончились до предела, превратившись в белый шрам под носом, но ему удалось сдержать резкий ответ. Он подошел к выдавшей вида коляске Сюзанны, она прокатилась сотни миль с того дня, как они нашли ее в Топике, но теперь уже отжила свое, и задумчиво уставился на нее. Когда к нему приблизился Каллагэн, он знаком дал понять, что хочет побыть один.

Джейк смотрел на то место на дороге, где Бенни разорвало в клочья. Останки мальчика, понятное дело, унесли, и кто-то засыпал кровь слоем земли, но Джейк все равно видел темные пятна. И оторванную руку Бенни, лежавшую ладонью вверх. Джейк помнил, как отец его друга выбежал из кукурузного поля на дорогу и увидел лежащего на ней сына. Пять секунд или около того он не мог издать ни звука, и этого времени, подумал Джейк, вполне хватило бы, чтобы сказать сэю Слайтману, что они вышли из боя с невероятно малыми потерями: один убитый мальчик, одна убитая жена ранчера, еще один мальчик со сломанной лодыжкой. Просто чудо, что им удалось так легко отделаться. Но никто не сказал, и Слайтман-старший испустил дикий вопль. Джейк знал, что никогда не забудет этого вопля, как всегда будет помнить Бенни, лежащего на окровавленной, утоптанной земле с оторванной рукой.

Рядом с тем местом, где упал Бенни, лежало что-то еще, присыпанное пылью. Джейку показалось, что блеснул металл. Он опустился на колени, разгреб пыль и поднял одну из самонаводящихся разрывных гранат Волков, которые назывались снитчами. Модель «Гарри Поттер», так следовало из надписи на гранате. Вчера он держал пару штук в руке и чувствовал, как они вибрируют. Слышал их слабое, зловещее гудение. Эта же ничем не отличалась от камня. Джейк поднялся, бросил гранату в сторону груды прикрытых кукурузными стеблями Волков. Бросил с такой силой, что заныло плечо. Наверное, и завтра каждое движение руки будет отдаваться болью, но Джейка это не волновало. Как не волновало и негативное отношение Хенчека к злости. Эдди хотел вернуть жену, Джейк – друга. И если Эдди еще мог надеяться, что его желание осуществится, то Джейк Чеймберз – нет. Потому что из царства мертвых не возвращаются. Если человек умирает, это навсегда.

Он хотел идти к пещере, оставить за спиной этот участок Восточной дороги, чтобы больше не смотреть на пустую, искореженную коляску Сюзанны. Но Мэнни, взявшись за руки, окружили поле боя, и Хенчек молился резким, скрипучим, пронзительным голосом, от которого у Джейка звенело в ушах: очень уж голос напоминал визг перепуганной свиньи. Он обращался к какому-то Оуверу⁸, прося о безопасном пути к той пещере и успешного осуществления намеченного, без потери жизни и рассудка (вот эта часть молитвы Хенчека особенно встревожила Джейка, ему и в голову не приходило, что можно молиться о сохранении рассудка). Глава клана также просил Оувера вдохнуть жизнь в их отвесы и магниты. И наконец, помолился о кавен, стойкости магии, и фраза эта, похоже, имела особое значение для Мэнни. Когда он закончил, они хором произнесли: «Оувер-сэм, Оувер-кра, Оувер-кан-тах», – и опустили руки, а некоторые упали на колени, чтобы отдельно посовещаться с действительно Большим боссом.

⁸ Оувер – от английского Over, в данном контексте одно из божеств Мэнни.

Тем временем Кантаб повел пятерых или шестерых мужчин помоложе к возку. Они скатали кипенно-белую парусину, открыв несколько больших деревянных ящиков. Отвесы и магниты, догадался Джейк, размером гораздо больше тех, что висели у них на шее. На это мероприятие они привезли тяжелую артиллерию. Ящики покрывали рисунки: звезды, луны, какие-то странные геометрические фигуры, знаки скорее каббалистические, чем христианские. Мэнни могли выглядеть как квакеры или амиши⁹ со своими плащами, бородами и черными шляпами с круглыми тульями, могли ввернуть в разговоре вышедшие из употребления старомодные слова, но, насколько знал Джейк, ни за квакерами, ни за амишами не замечалось такого хобби, как путешествия между мирами.

Из ближайшего фургона Мэнни достали длинные полированные деревянные шесты. Их вставили в специальные металлические кольца на нижней части разрисованных ящиков. Джейк узнал, что называются эти ящики коффами. Мэнни носили их точно так же, как когда-то по улицам средневекового города носили религиозные реликвии. Собственно, Джейк полагал, что в определенном смысле коффы и были религиозными реликвиями.

Они двинулись по проселку, на котором так и остались закрутки для волос, обрывки ткани, маленькие игрушки. Приманка для Волков, проглоченная ими приманка.

Когда они достигли места, где Фрэнк Тавери угодил ногой в нору или промоину, Джейк услышал голос его красавицы сестры: «Помоги ему... пожалуйста, сэй, умоляю...» Он помог, и да простит его Бог. А Бенни умер.

Джейк отвернулся с перекошенным лицом. «Ты теперь стрелок, ты должен держать себя в руках». И он заставил себя повернуть голову.

Рука отца Каллагэна легла на его плечо.

– Сынок, ты в порядке? Ты ужасно побледнел.

– Все хорошо. – К горлу подкатился комок, большой комок, но усилием воли Джейк сумел проглотить его и повторить ложь – скорее для себя, чем для отца Каллагэна: – Все хорошо.

Каллагэн кивнул и перекинул небольшой рюкзак (рюкзак горожанина, который в глубине своего сердца не верит, что отправится в дальнюю дорогу) с левого плеча на правое.

– А что произойдет, когда мы поднимемся к этой пещере? Если поднимемся?

Джейк покачал головой. Он не знал.

⁹ Амиши – консервативная секта меннонитов, названа по имени основателя, священника Якоба Аммана. Основана в Швейцарии в 1690 г. В 1714 г. члены секты переселились в Америку, в Пенсильванию. В настоящее время проживают во многих других штатах. Буквальное толкование Библии запрещает им пользоваться электричеством, автомобилями и т. д. Более подробно Кинг написал о них в романе «Почти как „бьюик“».

3

С тропой они справились относительно легко. Большую часть камней с нее снесло, и пусть мужчинам, которые несли коффы, пришлось попотеть, в одном им сильно повезло. Землетрясение сдвинуло гигантский валун, перегораживавший тропу у самой пещеры, и он свалился в пропасть. Эдди, наклонившись над обрывом, увидел его далеко внизу. Валун развалился надвое, его сердцевина, более темная, чуть поблескивала, так что теперь он выглядел, по мнению Эдди, как самое большое в мире сваренное вкрутую яйцо.

Пещеру они нашли на прежнем месте, только вход в нее загораживала большая груда сланцевой глины. Эдди присоединился к молодым Мэнни, которые принялись расчищать вход, отбрасывая глину (в некоторых кусках, как капельки крови, сверкали гранаты). Лишь только Эдди увидел вход в пещеру, стальной обруч, стягивающий его сердце, ослаб, однако ему не понравилось молчание пещеры, которая в их прошлый визит поражала своей словоохотливостью. Откуда-то из ее глубин доносилось журчание бегущей воды, но не более того. Куда подевался его брат, Генри? Генри давно пора горько жаловаться на то, что джентльмены Балазара убили его, а вина за это исключительно лежит на Эдди. Где его мамаша, в этом вопросе полностью поддерживающая Генри (в столь же страдальческом тоне)? Где Маргарет Эйзенхарт, жалующаяся Хенчеку, своему деду, что ее заклеямили отступницей, а потом бросили. Ведь это Пещера голосов, лишь недавно ставшая Пещерой двери. Но голоса затихли. И дверь какая-то... дурацкая, именно это слово первым пришло на ум Эдди. А вторым – ненужная. Эту пещеру отличали доносящиеся из ее глубин голоса; эту дверь превращал в ужасную, загадочную и могущественную хрустальный шар, Черный Тринадцатый, который через нее и попал в Калью.

Но теперь он ушел тем же путем, и это всего лишь старая дверь, которая...

Эдди попытался оборвать мысль, но не смог.

...которая никуда не ведет.

Он повернулся к Хенчеку, стыдась пелены слез, которая застила глаза, но он был не в силах сдержать их.

– Не осталось тут никакой магии. – Голос его переполняло отчаяние. – За этой гребаной дверью нет ничего, кроме спертого воздуха да свалившихся со стен и свода камней. Ты – дурак, и я тоже.

Послышались возмущенные ахи, но когда Хенчек посмотрел на Эдди, его глаза как-то озорно блеснули.

– Льюис, Тонни! – Голос звучал весело. – Принесите кофф Бранни.

Двое подпоясанных ремнями молодых парней с короткими бородками и длинными волосами, заплетенными в косы, выступили вперед. Они несли кофф из железного дерева, примерно в четыре фута длиной и достаточно тяжелый, если судить по тому, как крепко они сжимали пальцами полированные деревянные шесты. Кофф поставили перед Хенчеком.

– Открой его, Эдди из Нью-Йорка.

Тонни и Льюис смотрели на него вопросительно и с легким испугом. Пожилые Мэнни, как заметил Эдди, наблюдали за ним с жадным интересом. Он подумал, что требуется немало лет, дабы осмыслить всю экстравагантность образа жизни этих людей. Со временем Льюису и Тонни предстояло постигнуть ее премудрости, но пока они находились лишь на одном из этапов этого долгого пути.

Хенчек кивнул, уже с легким нетерпением. Эдди наклонился и откинул крышку. Легко. Замок-то отсутствовал. Содержимое коффа скрывал лишь кусок шелка. Хенчек откинул его с элегантностью фокусника, открыв отвес на цепи. Эдди он напомнил детский волчок, размером куда меньше, чем он ожидал. Расстояние от острия до широкой верхней части не превышало восемнадцати дюймов, материал отвеса напоминал желтоватое дерево, поблескивающее

жиром. К нему крепилась серебряная цепочка, намотанная свободным концом на кристаллический штырь, торчащий из стенки коффа.

– Доставай отвес, – продолжил Хенчек, когда же Эдди посмотрел на Роланда, волосы вокруг рта старика разошлись, обнажив идеально ровные белые зубы в на удивление циничной улыбке. – Почему ты смотришь на своего дина, молодой сопляк? Магия ушла из этого места, ты же сам сказал! Или самостоятельные решения – не для тебя? Но почему? Тебе... ну, не знаю... уже двадцать пять?

Стоявшие рядом и услышавшие эти слова Мэнни захихикали, хотя некоторым из них двадцати пяти еще точно не исполнилось.

Злясь на старого козла, да и на себя тоже, Эдди сунулся в кофф. Хенчек остановил его руку.

– Только не трогай отвес. Не трогай, если хочешь, чтобы твое молочко было по одну сторону, а дерьмо – по другую. Только за цепь, ты меня понимаешь?

Эдди, который практически коснулся отвеса, уже выставил себя перед этими людьми круглым дураком, так что теперь у него не было причины не завершить начатое, но он встретился взглядом с озабоченными серыми глазами Джейка и передумал. Как обычно, на такой высоте дул сильный ветер, высушивая пот, оставшийся после подъема. По телу Эдди пробежала дрожь. Он вновь наклонился над коффом, взялся за цепочку, осторожно разматал со штыря свободный конец.

– Поднимай его, – приказал Хенчек.

– Что-то произойдет?

Хенчек кивнул, словно наконец-то дождался от Эдди разумного вопроса.

– Мы это и хотим посмотреть. Поднимай.

Эдди подчинился. Помня, какие усилия пришлось прилагать молодым Мэнни, несшим кофф, он изумился легкости отвеса. Казалось, он поднимал перышко, прикрепленное к концу четырехфунтовой цепочки из сверкающих звеньев. Конец цепочки он обмотал вокруг пальцев, поднял руку на уровень глаз. И стал чем-то похож на кукловода.

Эдди уже собрался спросить у Хенчека, а что, по мнению старика, должно произойти, но не успел и рта раскрыть, как отвес начал раскачиваться из стороны в сторону, по малой дуге.

– Я его не раскачиваю, – вырвалось у Эдди. – Во всяком случае, думаю, что не раскачиваю. Должно быть, ветер.

– Думаю, что ветер здесь ни при чем, – возразил Каллагэн. – Никаких порывов нет...

– Тихо! – воскликнул Кантаб и так зыркнул на Каллагэна, что священник умолк.

Эдди стоял перед пещерой, от горы разбегались русла пересохших рек, а дальше перед ним расстилалась практически вся Калья Брин Стерджис. Далеко-далеко сине-серой громадой стоял лес, через который они пришли сюда, последнее свидетельство существования Среднего мира, куда они уже не могли вернуться. Ветер дул, но в одну сторону, поднимая волосы со лба. И внезапно он услышал гудение.

Да только не слышал его. Гудело в руке с обмотанными цепочкой пальцами, которую он поднял на уровень глаз. Но главное – в голове.

А на другом конце цепочки, примерно на высоте правого колена Эдди, отвес набирал скорость, дуга раскачивания все увеличивалась и увеличивалась. И вот еще какую странность заметил Эдди: на самой верхней точке отвес становился тяжелее. То есть по мере раскачивания возрастала центробежная сила.

Дуга удлинялась, отвес раскачивался быстрее, цепочка сильнее тащила за собой руку. А потом...

– Эдди! – воскликнул Джейк, в голосе слышались тревога и радость. – Ты видишь?

Конечно же, он видел. Теперь, на конце дуги, отвес словно окутывала дымка. И давление на руку, определяемое массой отвеса, в этот момент значительно возросло. Ему уже прихо-

дилось поддерживать правую руку левой, чтобы цепочку не вырвало, а тело начало раскачиваться в такт движениям отвеса. Эдди внезапно вспомнил, где находится: на краю пропасти глубиной в добрые семьсот футов. И эта «игрушка», если ее не остановить, вскорости могла забросить его за край. Он уже сомневался, что ему удастся освободить руку от цепочки.

Отвес пошел вправо, набирая вес по мере подъема к высшей точке. Эта деревяшка, которую он с такой легкостью достал из коффа, теперь весила шестьдесят, восемьдесят, а то и сто фунтов. Когда отвес на мгновение замер в высшей точке, где центробежная сила сравнивалась с силой тяжести, Эдди вдруг осознал, что может видеть сквозь него Восточную дорогу, не только ясно, но и довольно близко: отвес Бранни превратился в увеличительное стекло. Потом он пошел вниз, набирая скорость, слишком тяжелый. А когда вновь начал подъем, по левому сегменту дуги...

– Хорошо, я все понял! – закричал Эдди. – Забери его, Хенчек. По крайней мере останови!

Хенчек вымолвил одно лишь слово, скорее гортанный звук, какой слышится, когда что-то выдергивают из вязкой глины. Отвес не стал замедлять движения, сокращая длину дуги, а просто повис у колена Эдди, нацелившись острием в сапог. Еще мгновение сохранялось гудение в руке и голове. Потом стихло. А вместе с ним исчез и вес. Чертова штукавина вновь стала легкой как перышко.

– Тебе есть что сказать мне, Эдди из Нью-Йорка? – спросил Хенчек.

– Да, прости, прошу тебя.

Вновь появились зубы Хенчека, блеснув меж зарослей густой бороды и усов, и исчезли.

– Соображаешь ты быстро, не так ли?

– Надеюсь на это, – ответил Эдди и облегченно выдохнул, когда старик Мэнни взялся за серебряную цепочку.

4

Хенчек настоял на репетиции. Эдди понимал, в чем причина, но затягивающаяся прелюдия злила его. Уходящее время ощущалось буквально физически, как кусок грубой материи, скользящий под ладонью. Тем не менее он смолчал. Однажды сорвавшись, он не хотел выставить себя на посмешище.

Старик завел в пещеру шесть своих amigo¹⁰ (пятеро из которых, по мнению Эдди, выглядели постарше Бога). Троице дал в руки отвесы, остальным – магниты в форме раковины. Отвес Бранни, самый мощный из принадлежащих клану, оставил себе.

Все семеро образовали кольцо у входа в пещеру.

– Не вокруг двери? – спросил Роланд.

– Только когда возникнет такая необходимость, – ответил Хенчек.

Старики взялись за руки, их пальцы переплелись на отвесе или магните. Как только круг замкнулся, Эдди вновь услышал гудение. Заметил, как Джейк заткнул уши руками, а лицо Роланда скривилось в короткой гримасе.

Посмотрел на дверь и увидел, что от ее «ненужности» не осталось и следа. Вновь четко выделялись иероглифы, означающие на давно забытом языке слово: НЕНАЙДЕННАЯ. Хрустальная ручка светилась, и волны белого света омывали вырезанную в ней розу.

«Могу я открыть ее сейчас? – гадал Эдди. – Открыть и пройти через нее?» Решил, что нет. Пока – нет. Но уверенности в успехе куда как прибавилось, в сравнении с тем, что было пятью минутами раньше.

Внезапно ожили голоса в глубинах пещеры, зазвучали все разом, перекрывая и заглушая друг друга. Эдди различил голос Бенни Слайтмана-младшего, выкрикивающего слово «Доган», услышал, как его мать выговаривает ему, что он всегда все терял, а теперь вот потерял жену, услышал какого-то мужчину (вероятно, Элмера Чеймберза), говорящего Джейку, что Джейк сошел с ума, что он – ку-ку, Monsieur Lunatique¹¹. К этим голосам присоединились все новые и новые.

Хенчек резко кивнул образовавшим круг Мэнни. Их руки разъединились. И в тот же самый момент голоса, доносившиеся снизу, пропали, словно отрезало. И Эдди несколько не удивился, увидев, как дверь мгновенно потеряла свою уникальность, стала обычной дверью, мимо которой он бы прошел по улице, не удостоив и взгляда.

– Что, во имя Господа, это было? – спросил Каллагэн, мотнув головой в сторону темноты, сгущающейся там, где пол пещеры уходил вниз. – Раньше я такого не слышал.

– Думаю, землетрясение и потеря магического кристалла свели пещеру с ума, – спокойно ответил Хенчек. – В любом случае к нашему делу это отношения не имеет. Для нас главное – дверь. – Он посмотрел на рюкзак Каллагэна. – В свое время ты был бродягой.

– Да.

Зубы Хенчека вновь нанесли им короткий визит вежливости. И Эдди решил, что, возможно, хоть и подсознательно, старику все это нравится.

– Глядя на твою амуницию, сэй Каллагэн, поневоле задумываешься, а не растерял ли ты прежние навыки.

– Наверное, мне трудно поверить, что мы действительно куда-то отправимся, – ответил Каллагэн и улыбнулся. В сравнении с Хенчком улыбка вышла очень уж жалкой. – И я стал старше.

Хенчек издал какой-то пренебрежительный звук, что-то вроде: «Фу!»

¹⁰ друг, приверженец (исп.).

¹¹ Мсье Псих (фр.).

– Хенчек, ты знаешь, что заставило землю вздрогнуть этой ночью? – спросил Роланд.

Глаза старика чуть затуманились. Он кивнул. Снаружи, вытянувшись цепочкой вдоль тропы, терпеливо ждали более тридцати Мэнни.

– Мы думаем, разрушился один из Лучей.

– И я так думаю, – кивнул Роланд. – Так что времени у нас все меньше и меньше. Хотелось бы положить конец этим пустопорожним разговорам, коли ты не возражаешь. Давай посоветуемся о том, что мы должны делать, а потом приступим.

Хенчек глянул на Роланда столь же холодно, как смотрел на Эдди, но стрелок не отвел глаз. Брови Хенчека сошлись у переносицы, потом лоб разгладился.

– Ага. Как скажешь, Роланд. Ты сослужил нам великую службу, как Мэнни, как и забывшим людям, и мы в ответ сделаем все, что сможем. Магия по-прежнему здесь, пещера пропитана ею. Требуется только искра. Мы можем высечь эту искру, ага, это просто, как каммала. Возможно, ты получишь желаемое. С другой стороны, мы вместе можем отправиться на пустошь в конце тропы. Или во тьму. Ты понимаешь?

Роланд кивнул.

– И согласен на это пойти?

Роланд с мгновение молчал, опустив голову, положив руку на рукоятку револьвера. А когда вскинул глаза на Хенчека, на его губах играла улыбка. Красивая улыбка, в которой читались усталость, отчаяние и совет не становиться у него на пути. Он дважды взмахнул здоровой левой рукой в воздухе: «Начинаем».

5

Коффы поставили на землю, осторожно и тщательно, из-за узости тропы, ведущей к пещере, называемой Мэнни Кра-Каммен, и достали их содержимое. Пальцы с длинными ногтями (Мэнни позволялось стричь ногти только раз в год) скребли по магнитам, издавая пронзительные звуки, которые, как ножи, вонзались в голову Джейка. Звуки эти напоминали ему колокольца Прыжка, и он полагал, что удивляться тут нечему: эти колокольца и назывались «каммен».

– Что означает Кра-Каммен? – спросил он Кантаба. – Дом колоколов?

– Дом духов, – ответил тот, не отрывая глаз от цепочки, которую разматывал. – Оставь меня в покое, Джейк, это тонкая работа.

Джейк, не зная почему, подчинился. Роланд, Эдди и Каллагэн стояли в пещере у самого входа. Джейк присоединился к ним. Хенчек тем временем разместил самых старых Мэнни полукругом по обратную сторону двери. Фасад с иероглифами и хрустальной ручкой оставался без охраны – пока.

Старик вернулся на площадку перед пещерой, коротко переговорил с Кантабом, затем взмахом руки предложил подниматься к пещере Мэнни, выстроившимся вдоль тропы. Лишь только первый из них вошел в пещеру, Хенчек остановил его и шагнул к Роланду. Присел на корточки, взглядом предложив стрелку составить ему компанию.

Пол пещеры покрывала пыль. Она сыпалась со свода, в нее превращались косточки мелких зверьков, которые, на свою беду, забредали сюда. Ногтем Хенчек нарисовал прямоугольник, не замкнув его в одной из узких сторон, потом охватывающий его полукруг.

– Дверь, – указал он. – И люди моего кра. Ты меня понимаешь?

Роланд кивнул.

– Ты и твои люди замкнут круг. – Он дорисовал недостающий сегмент.

– Мальчик силен в прикосновениях. – Хенчек внезапно взглянул на Джейка, и от неожиданности тот даже подпрыгнул.

– Да, – согласился Роланд.

– Мы поставим его прямо перед дверью, но достаточно далеко, чтобы дверь, если она резко откроется, а такое может быть, не разбила ему голову. Ты встанешь там, мальчик?

– Да, если не получу другого указания от тебя или Роланда, – ответил Джейк.

– В голове у тебя возникнет ощущение... как всасывание. Не самое приятное. – Он помолчал. – Дверь придется открывать дважды.

– Да, – вновь кивнул Роланд. – Дважды.

Эдди знал, что предпоследнее открытие двери связано с Келвином Тауэром, но он давно уже потерял всякий интерес к книготорговцу. Нет, трусом Эдди назвать его не мог, но видел в нем только жадность, упрямство и эгоизм, другими словами, образцового жителя Нью-Йорка. А самый последний раз этой дверью воспользовалась Сюзи, и он намеревался проскочить в дверь, как только она откроется вновь. Если потом она откроется еще раз, в маленьком городке штата Мэн, где спрятались от нью-йоркских бандитов Келвин Тауэр и его друг Эрон Дипно, что ж, будем петь и плясать. Если остальные отправятся туда, попытаюсь защитить Тауэра и приобрести право владения на некий пустырь и некую дикую розу, флаг им в руки. Эдди же самым важным для себя считал Сюзанну. Все остальное – вторичным.

Даже Башню.

6

– Кого ты пошлешь через дверь, когда она откроется в первый раз? – спросил Хенчек. Роланд обдумывал ответ, рассеянно поглаживая шкаф с книгами, который по настоянию Келвина Тауэра оказался в Пещере двери. В шкафу стояла книга, так расстроившая отца Каллагэна. Он не хотел посылать Эдди, и так по натуре импульсивного, а теперь еще и ослепленного любовью и тревогой, за его женой. Однако подчинится ли Эдди, если он прикажет ему отправиться за Тауэром и Дипно? Роланд в этом сильно сомневался. Что означало...

– Стрелок? – подал голос Хенчек.

– Когда дверь откроется в первый раз, через нее пройдем мы с Эдди, – ответил Роланд. – Дверь захлопнется сама?

– Именно захлопнется, – кивнул Хенчек. – Вы должны быть быстрее укуса дьявола, а не то вас рассечет пополам; и одна половина останется здесь, вторая – в том месте, куда перенеслась темнокожая женщина.

– Мы будем быстры, не сомневайся, – заверил его Роланд.

– Уж постарайтесь. – И опять сверкнули зубы Хенчека. В улыбке, (*чего он не говорит? Что-то такое, что знает, или только думает, что знает?*) только Роланду так и не удалось подумать о ее настоящей причине.

– На вашем месте я бы оставил оружие здесь, – продолжил Хенчек. – Если попытаетесь пронести его с собой, возможно, потеряете.

– Я с пистолетом не расстанусь, – ответил Джейк. – Принес его с той стороны, следовательно, с ним ничего не должно случиться. А если он потеряется, я так или иначе найду другой.

– Думаю, мои тоже попадут на ту сторону двери, – добавил Роланд. Он долго об этом думал и решил, что они с Эдди должны взять с собой большие револьверы.

Хенчек пожал плечами, как бы говоря: «Воля ваша».

– А как насчет Ыша? – спросил Эдди.

Глаза Джейка широко раскрылись, челюсть отвисла. Роланд понял, что до этого момента мальчик и не думал о своем друге-путанике. И отметил про себя (уже не в первый раз), как легко забыть о Джоне «Джейке» Чеймберзе самое главное: он еще ребенок.

– Когда мы уходили в Прыжок, Ыш... – начал Джейк.

– Это совсем другое, сладенький, – ответил Эдди и, услышав любимое словечко Сюзанны, соскользнувшее с губ, почувствовал, как сжалось сердце. Впервые он допустил, что может больше не увидеть ее, как Джейк может не увидеть Ыша после того, как они покинут эту вонючую пещеру.

– Но... – начал Джейк, и Ыш с упреком твякнул. Джейк слишком сильно прижал его к себе.

– Мы позаботимся о нем, – раздался мягкий голос Кантаба. – Хорошо позаботимся, будь уверен. Здесь всегда будет человек, до того момента, как ты вернешься за своим другом и оставшимися вещами.

По своей доброте он не мог произнести: «Если когда-нибудь вернешься», но Роланд прочитал эти слова в его глазах.

– Роланд, ты уверен, что я должен... что он не может... нет. Все ясно. Это не Прыжок. Ладно. Нет.

Джейк сунул руки в передний карман пончо, вытащил Ыша, опустил на пыльный пол. Наклонился, оперевшись руками в бедра. Ыш поднял голову, вытянул шею. Мордочкой практически коснулся лица Джейка. И Роланд увидел нечто удивительное: слезы не только в глазах Джейка, но и Ыша. Ушастик-путаник плакал. Да, такую историю с восторгом приняли бы в салуне, когда время позднее и много выпито, о верном путанике, который плачет, потому что

хозяин покидает его. В такие истории, само собой, не веришь, но не говоришь об этом, чтобы избежать драки (а иногда и стрельбы). И однако в глазах путаника действительно стояли слезы, Роланд видел это собственными глазами, отчего ему и самому хотелось плакать. Ыш вновь просто копировал Джейка или действительно понимал, что происходит? Роланд всем сердцем надеялся, что именно первый вариант соответствует действительности.

– Ыш, ты должен некоторое время побыть с Кантабом. Ты с ним поладишь. Он – славный парень.

– Табом! – повторил путаник. Слезы уже падали с мордочки и оставляли на светлой пыли темные, размером с пятицентовик, пятна. На Роланда слезы зверька производили жуткое впечатление, даже слезы ребенка он бы, пожалуй, воспринял легче. – Эйк! Эйк!

– Нет, я должен уйти. – Джейк вытер щеки ладонями. Оставшиеся грязные разводы напоминали боевой раскрас.

– Нет! Эйк!

– Я должен. Ты остаешься с Кантабом. Я вернусь за тобой, Ыш... если не умру, вернусь за тобой. – Он прижал к себе зверька, поднялся. – Иди к Кантабу. Вон он. – Джейк указал. – Иди к нему, немедленно, слушайся меня.

– Эйк! Таб! – Только глухой не услышал бы переполнявшее голос горе. Еще мгновение Ыш постоял, потом, по-прежнему плача или имитируя слезы Джейка, на что надеялся Роланд, путаник повернулся, затрусил к Кантабу и сел у ног молодого Мэнни, между запыленных сапог с короткими голенищами.

Эдди попытался обнять Джейка, но мальчик стряхнул руку и отошел на шаг. Эдди в недоумении посмотрел на него, лицо Роланда оставалось бесстрастным, но мысленно стрелок одобрил поступок Джейка: еще нет и тринадцати, а стали в характере уже предостаточно.

Однако время поджимало.

– Хенчек?

– Ага. Не хочешь ли сначала помолиться, Роланд? Тому Богу, которому поклоняешься?

– Я не поклоняюсь никакому Богу, – ответил Роланд. – Я поклоняюсь Башне, а ей молиться не нужно.

На лицах некоторых amigos Хенчека отразился ужас, но старик лишь кивнул, словно ничего другого и не ожидал. Повернулся к Каллагэну.

– Отец?

– Господи, на твою помощь уповаю, на твою волю надеюсь. – Он прочертил крест в воздухе и кивнул Хенчеку. – Если мы куда-то собрались, пора в путь.

Хенчек выступил вперед, коснулся хрустальной ручки Ненайденной двери, повернулся к Роланду. Его глаза ярко сверкали.

– Выслушай меня в этот последний раз, Роланд из Гилеада.

– Я слушаю тебя, и слушаю внимательно.

– Я – Хенчек из Мэнни Кра-Красной-тропы-Стерджиса. Мы заглядываем в далекие дали и посещаем далекие миры. Мы – матросы парусника, несущегося под ветром ка. Ты готов к путешествию под этим ветром? Ты и твой ка-тет?

– Мы готовы оказаться там, куда он нас понесет.

Хенчек обернул вокруг тыльной стороны ладони цепочку отвеса Бранни, и Роланд сразу почувствовал возникновение в пещере новой силы. Пока еще слабой, но нарастающей. Она распускалась, словно роза.

– Сколько раз должна открыться дверь?

Роланд поднял два пальца правой руки.

– Два. Твим, как говорили в Эльде.

– Два или твим, суть одно, – кивнул Хенчек. – Кам-мала-кам-два. – Он возвысил голос. – Подходите, Мэнни! Кам-каммала, соедините свою силу с моей! Подходите и выполните свое

обещание! Подходите и заплатите наш долг этим стрелкам! Помогите мне послать их, куда им нужно! *Ну же!*

7

Прежде чем кто-то из них начал осознавать, что желания ка и их чаяния не совпадают, ка уже начала реализовывать свои планы. Но поначалу казалось, что ничего не произойдет.

Мэнни, которых отобрал Хэнчек, шестеро старейшин плюс Кантаб, взяли в полукольцо заднюю сторону двери и ее боковые торцы. Эдди переплел пальцы одной руки с Кантабом, магнит в форме раковины разделил их ладони. Эдди чувствовал, что магнит вибрирует, как что-то живое. Наверное, так оно и было. Каллагэн ухватился за его другую руку и крепко ее сжал.

У второго края двери Роланд уже держал за руку Хэнчека, переплетя цепочку отвеса Бранни со своими пальцами. Теперь круг практически замкнулся, за исключением небольшого сегмента по центру двери. Джейк глубоко вдохнул, огляделся, увидел Ыша, сидевшего у стены пещеры в десяти футах за Кантабом, и кивнул.

Ыш, оставайся на месте, я вернусь, послал он короткую команду и занял свое место. Взялся за правую руку Каллагэна и после короткого колебания за левую Роланда.

Тут же вернулось гудение. Отвес Бранни пришел в движение, но теперь двинулся не по дуге, а начал описывать круг малого диаметра. В районе двери прибавилось четкости, она словно надвинулась на них из сумрака пещеры: Джейк видел это собственными глазами. Линии и круги иероглифов, обозначающих слово **НЕНАЙДЕННАЯ**, теперь выделялись куда сильнее. Роза, выгравированная на ручке, засветилась.

Дверь, однако, оставалась закрытой.

(Сосредоточься, мальчик!)

Голос Хэнчека звучал в голове Джейка, да так сильно, что буквально расплющивал мозг. Он наклонил голову, уставился на ручку. Видел розу. Видел ее очень хорошо. Представил себе, как она поворачивается по мере того, как поворачивается ручка, на которой ее выгравировали. Однажды, не так уж и давно, двери стали его навязчивой идеей, двери и другой мир,

(Срединный мир)

который, он это знал, должен находиться за одной из них. И теперь прежние ощущения вернулись. Он представил себе все двери, которые только знал в своей жизни: двери спален, двери ванных комнат, двери кухонь, двери чуланов, двери залов для боулинга, двери раздевалок, двери кинотеатров, двери ресторанов, двери с табличками **ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН**, двери с табличками **ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ**, дверцы холодильников, да, даже их... а потом увидел, как все они разом открылись.

Откройся! – мысленно приказал он двери, чувствуя себя арабским мальчишкой в какой-то древней сказке. *Откройся, сезам! Откройся, говорю я!*

Из глубины, из чрева пещеры вновь зазвучали голоса. Что-то ухнуло, что-то упало. Пол пещеры задрожал под их ногами, будто еще один Луч приказал долго жить. Джейк не обратил на это ни малейшего внимания. Ощущение присутствия некой живой силы все росло, мальчик чувствовал, как она щиплет его кожу, заставляет вибрировать нос и глаза, поднимает волосы дыбом, но дверь оставалась закрытой. Он еще сильнее вцепился в руки Роланда и отца Каллагэна, сосредоточился на дверях зданий пожарных команд, дверях полицейских участков, двери кабинета директора школы Пайпера, даже на научно-фантастическом романе, который он когда-то читал, назывался роман «Дверь в лето». Запах пещеры, тяжелый – плесени, древних костей, занесенного издалека дымка, – вдруг резко усилился. Неимоверная радость охватила его, радость уверенности: «Сейчас, сейчас это произойдет, я знаю, что произойдет», – но дверь оставалась закрытой. И теперь до его ноздрей долетел другой запах. Нет, не пещеры, запах собственного, с металлическим привкусом пота, струящегося по лицу.

– Хэнчек, не получается. Думаю, я...

– Да, пока не получается, но только не думай, парень, что ты все должен сделать сам. Нашупай что-то между собой и дверью... что-то похожее на крюк... или шип... – Произнеся эти слова, Хенчек обратился к стоящим у входа в пещеру Мэнни: – Хедрон, иди сюда. Тонни, ухватись за плечи Хедрона. Льюис, ухватись за Тонни. И так далее! Сделайте это! Все!

Колонна Мэнни придвинулась. Ёш тьякнул, похоже, тоже сомневаясь в результате.

– Ищи, мальчик! Ищи крюк! Он между тобой и дверью! Нашупай его!

Джейк напрягся, тогда как его воображение внезапно нарисовало образы невероятной и ужасающей четкости и яркости, недостижимых ни в каком сне. Он увидел Пятую авеню между Сорок восьмой и Шестидесятой улицами («Двенадцать кварталов, где каждый январь исчезают мои рождественские премии», – частенько бурчал его отец). Он видел, как все двери на обеих сторонах улицы распахнулись одновременно: «Фэнди!» «Тиффани!» «Бергдорф Гудман!» «Картъе», «Даблдей букс!» Отель «Шерри Нитенленд». Он увидел бесконечный холл, застланный коричневым линолеумом, и знал, что холл этот – в кинотеатре «Пентагон». Он видел двери, никак не меньше тысячи дверей, разом распахнувшихся и создавших мощнейший сквозняк.

Однако дверь перед ним, единственная, нужная им, оставалась закрытой.

Да, закрытой, но...

Ее трясло, она стучала о дверной косяк. Он это слышал.

– Давай, малыш! – процедил Эдди сквозь сжатые зубы. – Если не сможешь открыть ее, вышиби пинком.

– Помогайте мне! – прокричал Джейк. – Помогайте, черт побери! Все вместе!

Сила в пещере, казалось, удвоилась. От гудения завибрировали кости головы Джейка. Зубы давно уже выбивали барабанную дробь. Пот застилал глаза, туманя взгляд. Он видел двух Хенчеков, кивавших стоявшему за их спинами Хедрону. А за Хедроном был Тонни. А за Тонни – остальные, змеей вытягиваясь из пещеры на тропу.

– Приготовься, парень, – выдохнул Хенчек.

Рука Хедрона скользнула под рубашку Джейка и ухватилась за пояс джинсов. Джейк почувствовал, как его толкает к двери, а не оттаскивает назад. Что-то в его голове устремилось вперед, он увидел, как все двери тысячи, тысячи миров широко распахнулись, вызвав ветер такой силы, что он мог практически задуть солнце.

А потом все замерло. Зато что-то появилось... появилось перед дверью...

Крюк. Это крюк!

Он накинул на крюк, словно петлю, свой разум и жизненную силу. И одновременно почувствовал, как Хедрон и другие тянут его назад. Тут же возникла боль, невыносимая, рвущая в клочья. А потом чувство, будто из тебя вытягивают все нутро. Отвратительное чувство, казалось, кто-то наматывал на крюк кишку за кишкой. И при этом мерзкое жужжание в ушах и глубоко в мозгу.

Джейк попытался крикнуть: «Нет, хватит, отпустите меня», – и не смог. Он попытался вскрикнуть и услышал свой крик, да только в голове. Боже, его подцепили. Подцепили на крюк и теперь рвут надвое.

Только одно существо услышало его крик. С яростным лаем Ёш рванулся к Джейку. И в тот же самый момент Ненайденная дверь открылась, распахнулась, с шипящим свистом повернулась на петлях перед носом Джейка.

– Возрадуемся! – крикнул Хенчек, в его голосе слышались ужас и восторг. – Возрадуемся, дверь открылась! Оувер кам каммен! Кан-тах, кан-кавар каммен! Оувер-кан-тах!

Остальные Мэнни подхватили крик Хенчека, но к тому времени Джейк Чеймберз уже вырвал руку из руки Роланда, который стоял справа от него. К тому времени он уже летел, и не один.

На пару с отцом Каллагэном.

8

Эдди едва успел услышать Нью-Йорк, учуять Нью-Йорк и осознать, что же случилось. А самое ужасное заключалось в том, что его рассудок четко все фиксировал, он ясно понимал: все идет с точностью до наоборот от ожидаемого, однако ничего не мог поделать.

Он увидел, как Джейка выдернуло из круга, и почувствовал, как рука Каллагэна вырвалась из его руки; увидел, как они летят по воздуху к двери, в тандеме крутят сальто, словно пара гребанных акробатов. Что-то пушистое и гавкающее прямо-таки как пуля пронеслось мимо его головы. Кувыркающийся БШ, с прижатыми к голове ушами, выпученными от ужаса глазами, которые, казалось, отделились от мордочки зверька и летели сами по себе.

Более того, Эдди вдруг понял, что он более не держит Кантаба за руку и устремился к двери... его двери, его городу и к затерявшейся там покинувшей Калью его беременной жене. И внезапно ощутил (еще как ощутил) невидимую руку, толкнувшую его назад, и голос, говоривший, не произнося ни единого слова. Услышанное Эдди было ужаснее любых слов. Слова еще можно оспорить. Тут же он услышал бессловесное «нет», и насколько мог судить, приказ этот поступал из самой Темной Башни.

Джейк и Каллагэн проскочили в дверной проем, словно пули, выпущенные из двустволки: умчались в темноту, наполненную звуками автомобильных сигналов и шуршанием шин движущегося транспорта. Издалека, но ясно, как голоса, что слышишь во сне, до Эдди донесся резкий, хрипчатый, экзальтированный голос, вещающий тем прохожим, которые хотели его слышать: «Упомяни имя Божье, брат мой, это правильно, упомяни имя Божье на Второй авеню, упомяни имя Божье на авеню Би, упомяни имя Божье в Бронксе. Я говорю Бог, я говорю Бог-Бомба, Я говорю Бог!» То звучал голос настоящего нью-йоркского безумца, если Эдди когда-нибудь доводилось его слышать, и он рвался к нему всем сердцем. Он увидел, как БШ пролетел сквозь дверь, словно обрывок газеты, подброшенный с мостовой воздушным вихрем от промчавшегося автомобиля, а потом дверь захлопнулась так быстро и сильно, что ему пришлось прищуриться от ударившего в лицо ветра, и ветер этот тащил облако пыли, поднятой с пола пещеры.

Прежде чем Эдди успел закричать от ярости, дверь распахнулась вновь. На этот раз в яркий солнечный свет, наполненный пением птиц. Он почувствовал запах сосен, услышал, как вдали что-то гроыхнуло. А потом его засосало в эту яркость, и он не смог даже крикнуть, что все пошло не так, что...

Эдди обо что-то стукнулся виском. Одно короткое мгновение остро чувствовал, что летит между мирами. Потом раздалась стрельба. Пришла смерть.

КУПЛЕТ: Кам-каммала, народ!
Летишь – куда носит ветер!
Полетишь – как ветер нас понесет,
Ну а как еще жить на свете?

ОТВЕТСТВИЕ: Кам-каммала, народ!
Как же жить на свете?
Полетишь, куда ветер нас понесет,
По-другому не будет на свете!

Строфа 3 Труди и Миа

1

До первого июня 1999 года Труди Дамаскус считала себя практичной женщиной, которая могла объяснить любому, что НЛО в большинстве своем – атмосферные зонды (а остальные сработаны людьми, желающими покрасоваться на экране телевизора), Туринская плащаница – подделка какого-то мошенника четырнадцатого века, а призраки, включая и Джейкоба Марли¹², – свидетельства психического нездоровья или вызваны расстройством пищеварения. Будучи практичной женщиной, она уважала себя за эту практичность, так что чему-либо суеверному и сверхъестественному не было места в ее мыслях, когда она шла по Второй авеню на работу (бухгалтерская фирма «Гаттенберг, Ферт и Патель») с холщовым пакетом для покупок и сумочкой на плече. Одним из клиентов «ГФип» была сеть магазинов детских игрушек «КидзПлей», и сеть эта задолжала «ГФип» приличную сумму. То обстоятельство, что они сами балансировали на грани банкротства, для Труди ровным счетом ничего не значило. Она хотела получить причитающиеся фирме 69211 долларов и 19 центов и провела большую часть отведенного на ленч часа (в одной из дальних кабинок кафе «Блины и оладьи Денниса», которое до 1994 года было рестораном «Чав-Чав»), размышляя над тем, как их заполучить. За последние несколько лет она уже предприняла определенные шаги для того, чтобы фирма «Гаттенберг, Ферт и Патель» сменила название на «Гаттенберг, Ферт, Патель и Дамаскус»; получение долга с «КидзПлей» стало бы еще одним шагом, причем довольно весомым, в этом направлении.

Так что пересекая Сорок шестую улицу и направляясь к большущему небоскребу из темного стекла, который теперь стоял на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы, обращенному к Верхнему Манхэттену¹³ (раньше там находился некий магазин деликатесов, а потом некий пустырь), Труди думала отнюдь не о богах, призраках или визитерах из астрального мира. Она думала о Ричарде Голдмане, говнюке, который возглавлял некую компанию, торговавшую детскими игрушками, и о том...

Но именно в этот миг жизнь Труди переменялась. Произошло это, если быть точным, в час девятнадцать минут пополудни, по ЛВВ¹⁴. Она как раз добралась до бордюрного камня. Собственно, даже поставила на него ногу, когда прямо перед ней на тротуаре возникла женщина. Афроамериканка с большими глазами. Нью-Йорк не страдал недостатком черных женщин, и, видит Бог, большие глаза у них не редкость, но Труди никогда не видела, чтобы женщина материализовалась прямо из воздуха, что, собственно, эта афроамериканка и проделала. Десятью секундами раньше Труди Дамаскус рассмеялась бы и сказала, что нет ничего более невероятного, чем вот такое появление женщины, аккурат перед ней, на тротуаре в Среднем Манхэттене; однако именно так все и случилось. Определенно случилось.

И теперь она знала, что, должно быть, испытывали все эти люди, которые рассказывали о летающих тарелках (не говоря уже о гремящих цепями призраках), как они злились, сталкива-

¹² Джейкоб Марли – этот призрак явился Эбенезеру Скруджу в «Рождественской песне в прозе» (1843) Чарльза Диккенса. Для информации: в этом произведении главы названы строфами.

¹³ Верхний Манхэттен начинается с 65-й улицы. Ниже расположены Средний Манхэттен (с 65-й по 14-ю улицы) и Нижний – (14-й по 1-ю).

¹⁴ ЛВВ – летнее восточное время. Закон от 8 июля 1986 г. устанавливает летнее время на час вперед по сравнению с поясным временем с двух часов утра в первое воскресенье апреля по последнюю субботу октября. Закон не обязателен для всех штатов, но принят в большинстве из них.

ясь со стойким недоверием таких людей, как... да, таких, как Труды Дамаскус, какой она была в один час восемнадцать минут пополудни первого июня, покидая угол Второй авеню и Сорок шестой улицы со стороны Верхнего Манхэттена. Ты можешь говорить людям: «Вы ничего не понимаете, это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СЛУЧИЛОСЬ!**» – и не вызывать никаких эмоций. Разве что услышать в ответ: «Ну, наверное, она просто вышла из-за автобусной остановки, а вы этого не заметили», или: «Она, вероятно, вышла из маленького магазинчика, а вы не обратили на это внимания». И сколько ни талдычь им, что нет никакой автобусной остановки ни на одной стороне Сорок шестой улицы, толку от этого не будет. И сколько ни талдычь им, что и маленьких магазинчиков поблизости нет, во всяком случае, после постройки Хаммаршельд-Плаза-2¹⁵, – тебе не поверят. Вскорости Труды предстояло испытать все это на собственной шкуре, и практичные люди едва не довели ее до безумия. Она не привыкла к тому, чтобы к ее восприятию действительности относились как к капельке горчицы, случайно упавшей на стол, которая тут же стиралась, или к кусочку недоваренной картофелины, который небрежно отодвигался на край тарелки.

Никакой автобусной остановки. Никаких маленьких магазинчиков. Только ступени, поднимающиеся к Хаммаршельд-Плаза-2, которые несколько человек облюбовали для ленча, почему и сидели там с пакетами из коричневой бумаги. Но призрак-женщина не спускалась и со ступеней. Фактически произошло следующее: когда Труды Дамаскус поставила свою обутую в кроссовку левую ногу на бордюрный камень, тротуар непосредственно перед ней пустовал. А когда перенесла свой вес на левую ногу, перед тем как оторвать от мостовой правую, появилась женщина.

Какое-то мгновение Труды могла видеть сквозь нее Вторую авеню и что-то еще, очень похожее на вход в пещеру. Потом все исчезло, вместе с прозрачностью женщины. Процесс ее «загустевания» занял, по прикидкам Труды, секунду, может, меньше. Уже потом в голову Труды пришла старая присказка: «Если б мигнула, ничего бы и не увидела», – и она пожалела, что не мигнула. Потому что черная женщина не просто материализовалась из воздуха.

Она отрастила ноги прямо на глазах у Труды Дамаскус.

Именно так: отрастила ноги.

Труды ничего не мерещилось, ее органы чувств ясно и четко фиксировали происходящее, и потом она говорила людям (число тех, кто хотел ее слушать, уменьшалось и уменьшалось), что каждая подробность этого происшествия отпечаталась в ее памяти, как татуировка. Поначалу рост призрака чуть превышал четыре фута. Маловато, конечно, для обычной женщины, полагала Труды, но, возможно, нормально, если ноги начинаются от колен.

Призрак был в белой рубашке, запачканной темно-бордовой краской или высохшей кровью, и джинсах. До колен джинсы облегли ноги, а далее штанины распластались на тротуаре, как кожа двух невиданных синих змей. Потом внезапно штанины раздулись. Раздулись, пусть и звучит это безумно, но Труды видела, как это произошло. И в тот же самый момент рост женщины изменился, вырос с четырех футов и ничего ниже колен до пяти футов с семью или восемью дюймами. Такой трюк Труды с интересом посмотрела бы в кино, но все происходило не на экране кинотеатра, а в ее реальной жизни.

На левом плече женщины висела отделанная материей сумка, похоже, сплетенная из соломки. В ней лежали вроде бы какие-то тарелки или блюда. В правой руке женщина сжимала вылинявший красный мешок, утянутый тесемками. В мешке находился ящик или коробка с прямыми углами, упирающимися в материю. Мешок раскачивался из стороны в сторону,

¹⁵ Хаммаршельд-Плаза – в нашей реальности единственная Хаммаршельд-Плаза (Hammarskjöld Plaza) расположена в Нью-Йорке на углу Второй авеню и 47-й улицы. Посмотреть на нее можно в интернете. Судя по фотографиям, Хаммаршельд-Плаза-2 – ее двойник.

поэтому Труды не смогла полностью прочитать надпись на нем. Разобрала лишь НА ДОРОЖКАХ СРЕДНЕГО МАНХЭТТЕНА.

А потом женщина схватила Труды за руку.

– Что у тебя в пакете? – спросила она. – У тебя есть туфли?

Вопрос заставил Труды взглянуть на ступни черной женщины, и вновь она увидела что-то фантастическое: ступни у афроамериканки были белые. Такие же белые, как у нее самой.

Труды слышала о людях, лишаящихся в определенных ситуациях дара речи; именно это произошло и с ней.

Язык присох к нёбу и отказывался опуститься. Однако к глазам никаких претензий она предъявить не могла. Они все видели. Белые ступни. Засохшие капельки на лице черной женщины. Почти наверняка капельки крови. А в нос бил запах пота, словно такая вот материализация на Второй авеню могла произойти лишь при затрате огромных усилий.

– Если у тебя есть туфли, женщина, тебе лучше отдать их мне. Я не хочу убивать тебя, но я должна добраться до людей, которые помогут мне с моим малым, и я не могу пойти к ним босиком.

Этот маленький отрезок Второй авеню пустовал. Люди, раз, два да обчелся, сидели лишь на ступенях перед Хаммаршельд-Плаза-2, одна парочка смотрела прямо на Труды и черную женщину (в основном на черную женщину), но безо всякой тревоги, даже без интереса, так что Труды оставалось лишь задаться вопросом: что с ними такое, они что, слепые?

Ну, во-первых, за руку черная женщина схватила не их. А во-вторых, не им пригрозила смертью...

Холщовый пакет от «Бордерс» с туфлями, которые она носила на работе (средний каблук, из тисненой цветной кожи), сорвали с ее плеча. Черная женщина заглянула в него, вновь посмотрела на Труды.

– Какого они размера?

Язык Труды наконец-то отлепился от нёба, но ничем не помог: мертвым грузом упал вниз.

– Не важно, Сюзанна говорит, что у тебя, похоже, седьмой размер. Значит, туфли по...

Внезапно лицо призрака словно затуманилось. Женщина с трудом подняла руку, словно плохо ее контролировала, кисть висела, как парализованная, потом ударила себя по лбу, промеж глаз. И разом ее лицо переменялось. В базовом пакете кабельных каналов, на который подписывалась Труды, был и «Комедийный», так что она не раз и не два видела комиков, которые точно так же меняли выражение лица.

Когда черная женщина снова заговорила, голос ее изменился. Теперь к Труды обращалась образованная женщина. И (Труды могла в этом поклясться) испуганная.

– Помогите мне. Меня зовут Сюзанна Дин, и я... я... о... о Боже...

На этот раз боль перекосила лицо женщины, и она схватилась за низ живота. Опустила голову. А когда подняла, вернулась первая женщина, та, что грозила убить за пару туфель. Отступила на шаг, по-прежнему босоногая, с пакетом, в котором лежали элегантные туфли на среднем каблуке фирмы «Феррагамо» и сегодняшний номер «Нью-Йорк таймс».

– О Боже, – повторила она. – Ну почему так больно! Мама! Ты должна заставить его подождать. Он не может появиться сейчас, прямо здесь, на улице, ты должна заставить его немного подождать.

Труды попыталась возвысить голос и позвать полицейского. Ничего не вышло, с губ сорвался едва слышный вздох.

Женщина-призрак наставила на нее палец.

– Теперь можешь убраться отсюда. А если позовешь констебля или поднимешь шум, я тебя найду и отрежу тебе груди. – Она достала тарелку из плетеной сумки. Труды заметила, что кромка тарелки металлическая, острая, как мясницкий нож, и внезапно ей пришлось бороться с мочевым пузырем, у которого вдруг возникло желание опорожниться прямо в штаны.

«Я тебя найду и отрежу тебе груди». – Кромка «тарелки», на которую смотрела Труды, определенно бы с этим справилась. Жик-жик, мгновенная мастэктомия¹⁶. О Господи.

– Доброго вам дня, мадам, – услышала Труды слова, сорвавшиеся с собственных губ. Голос звучал, как у пациента, пытающегося заговорить с дантистом до того, как закончилось действие новокаина. – Наслаждайтесь этими туфлями, носите на здоровье.

Правда, добрым здравием призрак явно похвалиться не мог. Пусть даже и обзавелся белыми ступнями.

Труды пошла. Зашагала по Второй авеню. Пыталась внушить себе (без всякого успеха), что не видела женщину, которая появилась из воздуха перед ней рядом с Хаммаршельд-Плаза-2, здания, которое работающие там люди в шутку называли «Черная башня». Пыталась сказать себе (и тоже безуспешно), что во всем виноваты ростбиф и жареный картофель. Ей следовало, как всегда, заказать американский блин¹⁷ с яйцом, она пошла в «Деннис» за американским блином, а не за ростбифом с жареным картофелем, и, если вы в это не поверили, посмотрите, что с ней случилось несколькими минутами раньше. Она увидела афроамериканского призрака и...

И ее пакет! Ее холщовый пакет от «Бордерс»! Должно быть, она уронила его!

Какое там уронила. Каждую секунду она ожидала, что эта женщина-призрак бросится за ней, вопя, как какой-нибудь охотник за головами из самых непроходимых джунглей Папуа. Она почувствовала онекальвающее покаменение (точнее, покальвающее онемение, но она воспринимала его именно так, а сама спина вдруг стала холодной, чужой, явно ей не принадлежащей) в том самом месте, куда, она знала, вонзится тарелка этой безумной женщины, пустит кровь, разрубит одну почку и, подрагивая, застрянет в позвоночнике. Труды не сомневалась, что вот-вот услышит, как летит тарелка, знала, какой она будет издавать посвист до того, как вонзится ей в спину, и теплая кровь польется по ягодицам, по ногам...

Она ничего не смогла с собой поделать. Мочевой пузырь «сдулся», и на ее слаксах – а она была в дорогом брючном костюме-тройке от Нормы Камали – появилось и начало расширяться темное пятно. К этому моменту она практически добралась до угла Второй авеню и Сорок пятой улицы. И только тут, уже не та практичная женщина, которой она себя считала ранее и какой больше никогда не стала, Труды сумела собраться с духом и оглянуться. Онемения в спине в тот момент она не чувствовала. Лишь тепло в промежности.

А женщина, безумный призрак, исчезла.

¹⁶ Мастэктомия – ампутация молочной железы.

¹⁷ Американский блин – блин, испеченный в вафельнице.

2

Труди держала одежду, в которой играла в софтбол¹⁸ – футболки и пару старых джинсов, в стенном шкафу своего кабинета. Вернувшись на работу в офис «Гаттенберг, Ферт и Патель», она первым делом переделалась. Потом сразу позвонила в полицейский участок. Рассказала о случившемся с ней патрульному Полу Антасси, с которым ее соединил дежурный.

Я Труди Дамаскус, – сообщила она, – и меня только что ограбили на Второй авеню.

По телефону голос Антасси звучал очень сочувственно, и воображение Труди незамедлительно нарисовало итальянского Джорджа Клуни. Не такая уж большая натяжка, учитывая имя Антасси и черные волосы и глаза Клуни. Наяву Антасси, конечно же, не имел ничего общего с Клуни, но, черт побери, кто ждет чудес и встреч с кинозвездами! Простые люди живут в реальном мире. Хотя... учитывая, что произошло с ней на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы в час девятнадцать минут пополудни, ЛВВ...

Патрульный Антасси прибыл примерно в половине четвертого, и она начала рассказывать ему все, что произошло, с мельчайшими подробностями, включая онекальвающее покаменение спины вместо покалывающего онемения и странную уверенность в том, что женщина готовится метнуть в нее тарелку...

– Так вы говорите, тарелка с заостренной кромкой? – переспросил патрульный Антасси, что-то записывая в блокнот, а после ее ответа: «Да», – сочувственно кивнул. Что-то в этом кивке показалось ей знакомым, но в тот момент она слишком увлеклась своим рассказом, чтобы вспомнить откуда. Потом, конечно, она никак не могла объяснить собственной тупости. Ведь точно такие же кивки она многократно видела в фильмах про рехнувшихся женщин, начиная со «Змеиной ямы» с Оливией де Хевилленд и заканчивая «Прерванной жизнью» с Вайноной Райдер.

Но в тот момент она слишком увлеклась своим рассказом. Расписывала патрульному Антасси, как штанины джинсов призрака ниже колен распластались на асфальте. А когда закончила, впервые услышала предположение, что черная женщина, возможно, появилась из-за автобусной остановки. А потом, вы будете смеяться до слез, другое, что черная женщина, вероятно, вышла из одного из маленьких магазинчиков, каких там тьма тьмуцая. Что же касается Труди, то она тогда в первый раз заявила, что на углу нет никаких автобусных остановок, ни на той стороне Сорок шестой улицы, что ближе к Верхнему Манхэттену, ни на той, что ближе к Нижнему. А также резонно заметила, что после возведения Хаммаршельд-Плаза-2 на той стороне Сорок шестой улицы, что ближе к Нижнему Манхэттену, не осталось ни одного маленького магазинчика. Впоследствии она чаще всего сначала указывала на отсутствие автобусных остановок, а уж потом – маленьких магазинчиков, и вполне возможно, что со временем ей удастся рассказать все это в одной из программ в Радио-Сити¹⁹.

Труди в первый раз спросили, что она ела на ленч перед тем, как увидела эту женщину, и она впервые осознала: ее ленч практически ничем не отличался, разве что приготовили его в другом, двадцатом веке, от съеденного Эбенезером Скруджем перед тем, как он увидел своего давнего (и давно умершего) делового партнера: картофель и ростбиф. Не говоря уже про горчицу.

Она напрочь забыла спросить патрульного Антасси, не хочет ли тот пообедать с ней.

Более того, просто вышвырнула его из кабинета.

Вскоре Митч Гаттенберг сунулся в дверь.

¹⁸ Софтбол – широко распространенная в Америке игра, напоминающая бейсбол. Игра идет на поле меньших размеров с использованием более крупного, чем в бейсболе, мяча. В софтбол играют и женщины.

¹⁹ Радио-Сити – часть Рокфеллеровского центра, где расположены театр, концертные залы, радио- и телестудии.

– Они надеются вернуть тебе пакет, Тру?..

– Отвали, – обрезала его Труди, не поднимая головы. – Быстро.

Гаттенберг глянул на бледные щеки, закаменевшую челюсть. И ретировался без единого слова.

3

Труди ушла с работы без четверти пять, гораздо раньше обычного. Вернулась на угол Второй авеню и Сорок шестой улицы, и хотя онекальывающее покамение вернулось, едва она приблизилась к Хаммаршельд-Плаза-2, не сбавила шага. Постояла на углу, не обращая внимания на поочередно загорающиеся прямоугольные таблички, белый ИДИТЕ и красный СТОЙТЕ. Повернулась на триста шестьдесят градусов, не сходя с места, прямо как балерина, полностью игнорируя тех, кто шел по Второй авеню. Впрочем, и прохожие в той же мере игнорировали ее.

– Прямо здесь, – вырвалось у нее. – Это произошло прямо здесь. Я помню, что произошло. Она спросила, какой у меня размер ноги, и, прежде чем я успела ответить... Я бы ответила, сказала бы и какого цвета у меня нижнее белье, если б она спросила, я была в шоке... прежде чем я успела ответить, она сказала...

Не важно, Сюзанна говорит, что у тебя, похоже, седьмой размер. Значит, они подойдут.

Нет, второе предложение она не закончила, но Труди не сомневалась, что именно это она собиралась сказать. Только ее лицо вдруг изменилось. Как у комика, собравшегося имитировать Билла Клинтона, или Майкла Джексона, или даже Джорджа Клуни. И она попросила о помощи. Попросила о помощи и добавила, что ее зовут... как?

– Сюзанна Дин, – произнесла Труди вслух. – Вот как ее зовут. А патрульному Антасси я этого не сказала.

Нет, не сказала, но кому нужен этот патрульный Антасси? Патрульный Антасси с его автобусными остановками и маленькими магазинчиками. Да пошел он...

Эта женщина... Сюзанна Дин, Вупи Голдберг, Коретта Скотт-Кинг, кем бы они ни были, думала, что она беременна. Думала, что у нее родовые схватки. Я в этом практически уверена. Она показалась тебе беременной, Труди?

– Нет, – ответила она сама себе.

На ближней к Верхнему Манхэттену стороне Сорок шестой улицы вновь засветилась красная табличка с надписью СТОЙТЕ. И Труди вдруг осознала, что к ней возвращается спокойствие. Она успокаивалась лишь потому, что стояла здесь, на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы, рядом с высящейся по правую руку громадой Хаммаршельд-Плаза-2. Словно почувствовала холодную руку, легшую на горячий лоб, словно услышала доброе слово, заверившее ее, что нет причины, нет абсолютно никакой причины ощущать онекальывающее покамение.

Она слышит гудение, вдруг осознала Труди. Сладостный гудящий звук.

– Это не гудение, – уточнила она, когда красная табличка СТОЙТЕ погасла и вновь зажглась белая ИДИТЕ (она вспомнила, как один из ухажеров в колледже сказал ей, что для кармы просто беда, если человек уподобляется световому указателю на пешеходном переходе). – Это не гудение, это пение.

И тут же у нее за спиной – она вздрогнула от неожиданности, но не испугалась – раздался мужской голос:

– Совершенно верно. – Повернувшись, она увидела джентльмена лет сорока с небольшим. – Я постоянно прихожу сюда, только для того, чтобы его послушать. И вот что я вам скажу, раз уж мы, как говорится, всего лишь корабли, встретившиеся в ночи, в молодости у меня все лицо было в жутких угрях. И я думаю, это пение, уж не знаю каким образом, меня излечило.

– Вы думаете, что избавились от угрей, потому что время от времени стояли на углу Второй авеню и Сорок шестой улицы.

Его улыбка, легкая, но приятная, поблекла.

– Я понимаю, звучит безумно...

– Я видела женщину, которая появилась из ниоткуда прямо здесь, – перебила его Труди. – Я видела это три с половиной часа назад. Когда она появилась, у нее не было ног ниже колен. Потом она их отрастила. Так кто безумец, друг мой?

Он смотрел на нее, широко раскрыв глаза, незнакомый ей служащий в хорошем костюме и с чуть ослабленным (рабочий день закончился) узлом галстука, и да, она видела едва заметные рытвины и полосы от давнишних угрей на щеках и лбу.

– Это правда?

Она подняла правую руку.

– Пусть я умру, если лгу. Эта сука украла мои туфли. – Она запнулась. – Нет, она не сука. Я не верю, что она сука. Она была испуганная, босая и думала, что у нее родовые схватки. Жаль только, что я не успела отдать ей мои кроссовки вместо дорогих гребаных туфель.

Мужчина с тревогой смотрел на нее, и внезапно Труди Дамаскус почувствовала жуткую усталость. Она вдруг поняла, что теперь ей придется привыкать к таким вот взглядам. Засветилась белая табличка ИДИТЕ, и мужчина, заговоривший с ней, зашагал через Сорок шестую улицу, помахивая дипломатом.

– Мистер!

Он не остановился, но обернулся.

– Что здесь было в прошлом, когда вы останавливались, чтобы вылечить угри?

– Ничего, – ответил он. – Пустырь за забором. Я думал, он исчезнет, этот прекрасный звук, когда началось строительство, но он никуда не делся.

Он пересек мостовую, ступил на тротуар. И продолжил путь по Второй авеню. Труди осталась на месте, погруженная в свои мысли. «Я думал, он исчезнет, но он никуда не делся».

– Как такое могло быть? – спросила она и повернулась лицом к Хаммаршельд-Плаза-2. «Черной башне». Теперь, когда она сосредоточилась на гудении, оно только усилилось. И стало еще сладостней. Она слышала не один голос – много. Будто пел целый хор. А потом все пропало. Исчезло так же внезапно, как появилась черная женщина.

«Нет, все не так, – подумала Труди. – Я просто потеряла способность слышать его, больше ничего. Если я простою здесь достаточно долго, готова спорить, оно вернется. Господи, бред какой-то. Я рехнулась».

Она в это верила? По правде говоря, нет. Как-то сразу мир для нее истончился, от его реальности осталось совсем ничего, в значительной мере она превратилась в эфемерность. Но никогда в жизни Труди не ощущала себя более практичной, более здравомыслящей. А еще она чувствовала слабость в коленях, жжение в животе и понимала, что вот-вот может грохнуться в обморок.

4

На другой стороне Второй авеню находился маленький скверик. Его украшал фонтан и скульптура черепахи, панцирь которой влажно блестел от брызг. Фонтаны и скульптуры Труды совершенно не волновали, но в скверике она увидела скамью.

Когда опять загорелась белая табличка ИДИТЕ, Труды поплелась через Вторую авеню – прямо-таки восьмидесятитрехлетняя старуха, а не тридцативосьмилетняя женщина в расцвете сил – добралась до скамьи, села. Начала медленно, глубоко дышать, и где-то минуты через три ее самочувствие определенно улучшилось.

Рядом со скамьей стояла урна с надписью печатными буквами ДЕРЖИТЕ МУСОР В ПОЛОЖЕННОМ ЕМУ МЕСТЕ. Ниже кто-то напылил из баллончика розовой краской: Смотри – ЧЕРЕПАХА, панцирь горой. Труды, конечно, обратила внимание на черепаху, но размерами последняя не поражала: скульптура была скромненькой. Заметила она и кое-что еще: экземпляр «Нью-Йорк таймс», скрученный так, как она всегда скручивала свой, если не хотела сразу выбрасывать и имела при себе пакет, куда могла положить. Разумеется, вечером как этого, так и любого другого дня по Манхэттену мог валяться как минимум миллион экземпляров «Нью-Йорк таймс», но этот покупала она. Труды знала об этом до того, как выудила его из мусорной урны, и сразу же нашла доказательство своей правоты: практически решенный кроссворд, она заполняла его за ленчем, записывая буквы в пустые клеточки своими любимыми лиловыми чернилами.

Она бросила газету обратно в урну и через Вторую авеню посмотрела на то место, где изменилось ее представление о мироустройстве. Возможно, навсегда.

«Взяла мои туфли. Пересекла Вторую авеню, присела у черепахи, надела их. Оставила при себе мой холщовый пакет и выбросила „Таймс“. Зачем ей понадобился пакет? У нее не было своей обуви, чтобы положить в него».

Труды подумала, что может ответить на этот вопрос. Женщина положила в пакет свои тарелки. Коп, если б заметил острую кромку, мог бы полюбопытствовать, а для чего нужны тарелки, о которые можно порезаться, схватившись не там, где следует.

«Ладно, но куда она пошла потом?»

Совсем недалеко, на углу Первой авеню и Сорок шестой улицы, находился отель, который когда-то назывался «ООН Плаза». Труды не знала, как он называется теперь, да ее это и не волновало. Не хотела она идти туда и спрашивать, не появлялась ли здесь несколько часов назад черная женщина в джинсах и запачканной белой рубашке. Интуиция подсказывала, что ее версия призрака Джейкоба Марли именно туда и направилась, но как раз в данном случае следовать интуиции и не хотелось. Лучше забыть об этом. Туфель в городе хватало, а вот рассудок, рассудок у человека...

Лучше поехать домой, принять душ и просто... забыть об этом. Да только...

– Что-то не так, – вырвалось у Труды, и мужчина, проходящий мимо скверика, с любопытством посмотрел на нее. Она ответила воинственным взглядом. – Что-то очень даже не так. Что-то...

На ум пришло слово «наклоняется», но она не решилась его произнести. Словно боялась, что слово это, произнесенное, разом превратится в другое: опрокидывается.

Для Труды Дамаскус это лето стало летом кошмарных снов. В некоторых она видела женщину, которая сначала появилась перед ней, а потом отрастила ноги. Это были ужасные сны, но не самые жуткие. В последних она оказывалась в кромешной тьме, звенели какие-то рвущие барабанные перепонки и душу колокольца, она чувствовала, как что-то наклоняется, и наклоняется к точке, пройдя которую остановить падение и вернуться в вертикальное положение уже невозможно.

КУПЛЕТ: Кам-каммала, хэй-хо!
Что ты в зеркале мог увидеть?
То ли призрак кого,
То ль себя самого!..
От кого так охота сбежать?

ОТВЕТСТВИЕ: Кам-каммала – судьба,
Скажи, я прошу тебя!
Видел призрак в дыму?
Иль в лице своем – тьму?
Что так гонит сбежать тебя?

Строфа 4 «Доган» Сюзанны

1

Память Сюзанны стала пугающе отрывочной, не заслуживающей доверия, ненадежной, похожей на коробку передач старого автомобиля, на шестернях которой посшибало половину зубцов. Она помнила бой с Волками, и Миа, которая терпеливо ждала, пока он продолжался...

Нет, не так. Несправедливо. Миа не просто ждала. Она подбадривала Сюзанну (и остальных), всем своим сердцем воительницы была с ними. Сдерживала схватки, пока суррогатная мать ее малого метала отнимающие жизнь тарелки. Да только Волки на поверку оказались роботами, так что нельзя сказать, что тарелки...

Нет. Все-таки можно. Потому что они были не просто роботами, а большие, чем роботами, и мы их убивали. Сражались за правое дело и убивали.

Но произошло это не здесь, не в этом мире, и что об этом говорить, если все уже закончилось. И как только закончилось, она почувствовала, что схватки вернулись, не просто вернулись – усилились. И она, похоже, родила бы прямо на обочине той чертовой дороги, если бы не собрала волю в кулак. Он там бы и умер, потому что был голодный, малой Миа был голодный и...

Ты должна мне помочь!

Миа. Нет никакой возможности не отреагировать на этот крик. И даже чувствуя, как Миа оттесняет ее (так Роланд однажды оттеснил Детту Уокер), она не могла не откликнуться на этот отчаянный материнский крик. Частично, предположила Сюзанна, потому что они делили ее тело, а тело поспешило на помощь младенцу. Вероятно, по-другому и быть не могло. Так что она пришла на помощь. Сделала то, что сама Миа более не могла: еще на какое-то время задержала схватки. Хотя слишком долгая задержка родов грозила немалой опасностью для малого (забавно, как это слово незаметно прокралось в ее сознание, стало ее словом, не только Миа). Она вспомнила историю, рассказанную одной девушкой во время ночных посиделок в общежитии Колумбийского университета: они сидели кружком, пять или шесть студенток, в пижамах, курили и передавали по кругу бутылку «Уайлд айриш роуз», абсолютно запрещенного, а потому вдвойне более сладкого ликера. Историю о девушке их возраста, отправившейся в долгую автомобильную поездку, о девушке, слишком стеснительной, чтобы сказать своим друзьям, что ей давно пора справить малую нужду. Согласно истории, кончилось все тем, что у девушки лопнул мочевого пузырь и она умерла. Таким историям обычно веришь, хоть и думаешь, что они – чушь собачья. Вот и насчет малого... *младенца...*

Но какой бы ни была опасность, она сумела остановить схватки. Потому что имелись выключатели, которые могли это сделать. Где-то.

(в «Догане»)

Только техника «Догана» никогда не предназначалась для того, как она... они...

(мы)

использовали ее для спасения младенца. В конце концов это привело бы к перегрузке, и *(разрушению)*

все машины перегрелись бы и сгорели. Поднялась бы тревога. Погасли бы пульта управления и телевизионные экраны. Как скоро это могло произойти? Сюзанна не знала.

Она смутно помнила, как доставала свою коляску из фургона, пока остальные отвлеклись, празднуя победу или оплакивая павших. Залезть куда-то и что-то достать – не так уж

легко, если ноги у тебя оканчиваются чуть ниже колен, но и не так сложно, как полагают некоторые. Конечно, она привыкла преодолевать подобные трудности, скажем, сесть на унитаз и слезть с него, достать книгу с одной из верхних полок (для этого в каждой комнате ее нью-йоркской квартиры стояла специальная табуретка). Во всяком случае, Миа настаивала, практически подгоняла ее, как ковбой подгоняет отстающую от стада корову. И Сюзанна забралась в фургон, вытащила и опустила на землю коляску, а потом аккуратно уселась в нее. Далось ей это не без труда, скажем, откатить бревно куда как проще, но она не могла сказать, что с тех пор, как потеряла в росте шестнадцать или около того дюймов, на ее долю не выпадало более тяжелой работы.

На коляске она смогла проехать мило, может, чуть больше (никаких ног для Миа, дочери, не знающей отца, во всяком случае, в Калье). А потом колесо наехало на гранитный выступ, и ее выбросило из коляски. К счастью, ей удалось смягчить падение руками, уберечь бунтующий, раздираемый болью живот.

Она помнила, как приподнялась... поправка, она помнила, как Миа приподняла украденное тело Сюзанны Дин... и на коленях, а кое-где и упираясь в землю руками, двинулась вверх по тропе. Из того, что потом произошло в Калье, она ясно помнила только одно: попытку не позволить Миа снять с шеи кожаный шнурок. На этом шнурке висело кольцо, прекрасное легкое кольцо, которое Эдди вырезал для нее из ивы. Когда он увидел, что оно велико для ее пальцев (хотел сделать ей сюрприз, поэтому обошелся без примерки), очень огорчился и пообещал вырезать другое.

Ты можешь вырезать, если хочешь, сказала тогда Сюзанна, *но я всегда буду носить это.*

И носила на кожаном шнурке. Ей нравилось, как оно трется о груди, а теперь эта незнакомая женщина, эта стерва, хотела его снять.

Детта рванулась вперед, схватившись с Миа. Детта ровным счетом ничего не добила, попытавшись установить контроль над Роландом, но Миа не могла тягаться с Роландом из Гилеада. Руки Миа отпустили кожаный шнурок. Ее контроль над телом дал слабину. Когда это произошло, началась очередная схватка. От боли Сюзанна согнулась пополам и застонала.

Его нужно снять! – выкрикнула Миа. *Иначе у них окажется его запах, как и твой! Твоего мужа! Тебе это не нужно, поверь мне!*

У кого? – спросила Сюзанна. *О ком ты говоришь?*

Не важно... на объяснения нет времени. Но если он пойдет за тобой, а я знаю, ты думаешь, он попытается, то они не должны знать его запах! Я оставлю кольцо здесь, где он сможет его найти. Потом, если ка захочет, ты снова сможешь его носить.

Сюзанна уже собралась сказать ей, что они отмоют кольцо, уберут запах Эдди, но поняла, что Миа говорит не просто о запахе. Это было кольцо любви, а такой запах остается навеки.

Но кто мог его почуять?

Волки, предположила она. Настоящие Волки. Те, что находились в Нью-Йорке. Вампиры, о которых говорил Каллагэн, «низкие люди»²⁰. А может, кто-то еще? Кто-то пострашнее?

Помоги мне! – крикнула Миа, и вновь Сюзанна не смогла устоять перед этим зовом. Миа ли мать этого ребенка или нет, монстр он или нет, но ее тело хотело, чтобы он появился на свет. Глаза хотели увидеть его, каким бы он ни был, уши – услышать, как он кричит, даже если это будет звериное рычание.

Она сняла шнурок, поцеловала кольцо, положила на тропу, где Эдди обязательно должен его отыскать. В том, что он пойдет следом за ней, она не сомневалась.

Что за этим последовало? Она не помнила. Вроде бы на чем-то ехала по крутой тропе, и, конечно же, тропа эта вела к Пещере двери.

²⁰ «Низкие люди» – так в романе С. Кинга «Сердца в Атлантиде» Тед Бротиген называет людей в желтых плащах, которые служат Алому Королю (они же называют себя регуляторами, слугами закона).

А потом темнота.

(не темнота)

Ну, не полная темнота. Мигающие огни. Слабое свечение телевизионных экранов, которые не показывали картинку, а только лучились мягким серым светом. Далекий гул моторов, щелканье реле. То есть

(«Доган», «Доган» Джейка)

какой-то командный пункт. Может, место, которое она создала сама, может, ее воображаемая версия куонсетского модуля²¹, найденного Джейком на западном берегу реки Уайе.

Следующее воспоминание пришлось уже на Нью-Йорк. Ее глаза превратились в окна. Сквозь них она смотрела, как Миа отбирает туфли у какой-то перепуганной женщины.

Сюзанна попыталась вмешаться, обратилась к женщине за помощью. Хотела сказать, что ей нужно в больницу, что ей нужен врач, что она собирается рожать и с этим у нее какие-то сложности. Но прежде чем успела продолжить, очередная схватка скрутила ее, сопровождаемая чудовишной, захватывающей все тело болью, какую она не испытывала никогда в жизни, даже после того, как ей отрезало ноги. Эта боль... эта...

– О Боже, – вырвалось у нее, но Миа опять оттерла ее, прежде чем она успела что-то добавить, велела Сюзанне замолчать и сказала женщине, что она может остаться без пары чего-то более ценного, чем туфли, если попытается обратиться к копам.

Миа, послушай меня, подала голос Сюзанна. Я снова могу это остановить... Думаю, что могу... но ты должна помочь. Ты должна сесть. Если не сядешь, сам Господь не сможет помешать схваткам довести дело до естественного завершения. Ты меня понимаешь? Ты меня слышишь?

Миа слышала. Какое-то время стояла на месте, наблюдая за женщиной, у которой отняла туфли. Потом прямо-таки как послушная девочка, спросила: *И куда мне пойти?*

Сюзанна почувствовала, что похитительница ее тела впервые ощутила огромность города, в который попала, увидела толпы спешащих пешеходов, потоки металлических карет (и каждая третья ярко-желтая, до рези в глазах), дома-башни, такие высокие, что в облачный день их верхние этажи пропали бы из виду.

Обе женщины смотрели на незнакомый город через одну пару глаз. Сюзанна знала, что это ее город, но уж очень он изменился. Она покинула Нью-Йорк в 1964 году. Сколько лет прошло с тех пор? Двадцать? Тридцать? Не важно, сколько бы ни прошло. Не время сейчас тревожиться из-за этого.

Их общий взгляд нашел маленький скверик на другой стороне авеню. Схватки на какое-то время прекратились, и когда зажглась белая табличка ИДИТЕ, черная женщина, которая, на взгляд Труди Дамаскус, совсем не выглядела беременной, медленно, но уверенно пересекла мостовую.

На другой стороне рядом с фонтаном и металлической скульптурой стояла скамья. Увидев черепаху, Сюзанна немного успокоилась, у нее возникло ощущение, что это Роланд оставил ей знак, прислал весточку.

Он тоже пойдет за мной, предупредила она Миа. И тебе следует остерегаться его, женщина. Тебе следует очень остерегаться его.

Я сделаю то, что должна сделать, ответила Миа. Ты хочешь посмотреть бумаги той женщины? Зачем?

Я хочу посмотреть, в каком мы году. Газета подскажет.

²¹ Куонсетский модуль – ангар полуцилиндрической формы из гофрированного железа, используемый в качестве временной армейской казармы или хозяйственной постройки. Первые строения подобного типа были собраны на авиабазе ВМС США в местечке Куонсет-Пойнт, штат Род-Айленд.

Коричневые руки вытащили скрученную газету из холщового пакета от «Бордерс», развернули, поднесли к синим глазам, начинающим этот день коричневыми, как и руки. Сюзанна увидела дату – 1 июня 1999 года, изумленно покачала головой. Не двадцать лет, даже не тридцать, целых тридцать пять. До этого она и представить себе не могла, что миру удастся протянуть столь долго. Ее современники по прежней жизни, студенты, борцы за гражданские права, знакомые на вечеринках, aficionados²² народной музыки, приближались к пенсионному возрасту. Некоторые наверняка умерли.

Хватит, оборвала ее раздумья Миа и бросила газету в урну для мусора, где она вновь скрутилась. Стряхнула грязь и пыль с голых ступней (из-за этой грязи Сюзанна не обратила внимания, что они другого цвета), потом надела отобранные туфли. Они немного жали, а носков не было, так что она наверняка натерла бы ноги, если бы идти пришлось далеко, но...

Тебе-то что до этого, а? – спросила ее Сюзанна. *Ноги-то не твои*. И едва вымолвила эти слова, нет, не вымолвила, весь разговор-то шел у нее в голове, поняла, что, возможно, ошибается. Потому что ее собственные ноги, те самые, которые до поры до времени верно служили телу Одетты Холмс (а иногда и Детты Уокер), конечно же, давно канули в Лету, сгнили или, что более вероятно, сгорели в какой-нибудь муниципальной мусоросжигательной печи.

Но изменения цвета кожи она не заметила. Да только потом подумала: «Ты заметила, чего уж там. Заметила, но сразу отсекла эту мысль. И без того проблем хватало».

Но прежде чем Сюзанна успела продолжить поиски ответа на вопрос, как философский, так и физический, на чьих ногах она теперь ходила, началась очередная схватка. Боль скрутила живот, превратила его в камень, а бедра – в желе. Впервые она испытала неприятное и пугающее желание тужиться, вытолкнуть из себя младенца.

Ты должна это остановить! – закричала Миа. *Женщина, ты должна! Ради блага малого, ради нас обоих!*

Да, твоя правда, но как?

Закрой глаза, велела ей Сюзанна.

Что? Ты меня не слышала? Ты должна...

Я тебя слышала, ответила Сюзанна. *Закрой глаза*.

Сквер исчез. Мир потемнел. Она – черная женщина, все еще молодая и, несомненно, красивая, сидящая на скамье у фонтана и металлической скульптуры черепахи с мокрым от брызг, а потому блестящим панцирем. Не просто сидящая, но, похоже, медитирующая во второй половине этого первого теплого летнего дня года 1999-го.

Сейчас я на какое-то время отлучусь, продолжила Сюзанна. – *Я вернусь. А пока сиди, где сидишь. Сиди тихо. Не шевелись. Боль должна уйти, но даже если она уйдет не сразу, сиди тихо. Двнешься – станет только хуже. Ты меня понимаешь?*

Миа, возможно, испугалась, попав в незнакомую обстановку, но она точно знала, что ей нужно, да и ума ей хватало. Поэтому задала только один вопрос:

Куда ты собралась?

Обратно в «Доган», последовал ответ. *Мой «Доган». Тот, что внутри.*

²² любители, поклонники (исп.).

2

Здание, которое Джейк обнаружил на другом берегу реки Уайе, являлось древним коммуникационно-наблюдательным пунктом. Мальчик им его описал, с какими-то подробностями, но скорее всего не узнал бы воображаемый «Доган» Сюзанны, базировавшийся на технологических решениях, давно уже отставших от жизни тринадцатью годами позже, когда Джейк покинул Нью-Йорк ради Срединного мира. При Сюзанне президентствовал Линдон Джонсон, на цветной телевизор смотрели как на диковинку, а для компьютеров из-за их величины приходилось строить целые здания. Однако Сюзанна побывала в городе Ладе²³ и видела тамошние технические чудеса, так что, возможно, Джейку все-таки удалось бы узнать место, где он прятался от Бена Слайтмана-старшего и Энди, робота-посыльного.

Определенно он узнал бы пыльный линолеум на полу с рисунком из чередующихся красных и черных квадратов, стулья на колесиках, стоящие у пультов управления с перемигивающимися лампочками и светящимися дисками приборов. Узнал бы он и скелет в углу, улыбающийся поверх изношенного воротничка древней форменной рубашки.

Она пересекла зал и села на один из стульев. Перед ней черно-белые экраны показывали десятки картинок. На некоторых она увидела Калью (городская площадь, церковь Каллагэна, магазин Тука, дорога, уходящая из города на восток). На других – застывшие картинки, вроде фотопортретов: Роланда, улыбающегося Джейка с Ышем на руках и, на эту она заставила себя посмотреть, Эдди – шляпа, по-ковбойски сбита на затылок, в руке нож, которым он все вырезал.

Еще на одном мониторе худая черная женщина сидела на скамье рядом с черепахой: глаза закрыты, ноги в отобранных туфлях сдвинуты, руки сложены на коленях. И еще пакет, украденный у женщины со Второй авеню: плетеная сумка с заостренными орисами и... мешок для боулинга. Выцветший красный мешок, а в нем – что-то с прямыми углами, выпирающими сквозь материю. Ящик. Глядя на этот экран, Сюзанна вдруг разозлилась... почувствовала себя преданной... но не могла понять почему.

На той стороне мешок был розовым, подумала она. Он изменил цвет при переходе, но ненамного.

Лицо женщины на черно-белом экране исказила гримаса. Сюзанна почувствовала отзвук боли, которую испытывала Миа, слабый и далекий.

Должна это прекратить. И быстро.

Однако оставался все тот же вопрос: как?

Так же, как ты это сделала на той стороне, пока она добиралась до пещеры: быстро, насколько могла.

Но ведь произошло это давным-давно, в другой жизни. Хотя почему нет? Все так, другая жизнь, другой мир, но, если она мечтала о возвращении туда, помогать следовало здесь. Так что же она сделала?

Использовала тот метод, вот что ты сделала. Все, что для этого нужно, у тебя в голове, ты же знаешь. Профессор Оувермейер называл его визуализацией, когда рассказывал о нем на семинарах по психологии. Закрой глаза.

Что Сюзанна и сделала. Теперь закрылись обе пары глаз: реальные, которые контролировала Миа, сидя на скамье в Нью-Йорке, и те, что находились в ее сознании.

Визуализируй.

Она сделала и это. Во всяком случае, попыталась.

²³ Название города Lud, который впервые появляется в сериале «Темная Башня» в книге «Бесплодные земли», на русский ранее переводилось, как Лад. Однако на языке оригинала это название происходит от «луддитов» – luddites.

Открой.

Она открыла глаза. Теперь на пульте управления перед ней вместо перемигивающихся лампочек и реостатов появились два больших диска и один тумблер. Диска вроде бы из бакелита, как и переключатели на кухонной плите матери в доме, где прошло детство Сюзанны. Она решила, что удивляться этому нет нужды: любая визуализация, пусть даже самая фантастическая, не более чем замаскированная версия того, что ты уже знаешь.

Под диском по левую руку Сюзанна прочитала: ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ТЕМПЕРАТУРА. Согласно числам на диске, она изменялась в диапазоне от 32 до 212²⁴ (32 – синий фон, 212 – ярко-красный). Сейчас напротив стрелки стояло число 160. Диск по центру показывал ИНТЕНСИВНОСТЬ СХВАТОК. С градуировкой от 0 до 10, сейчас она составляла 9. Тумблер с короткой маркировкой МАЛОЙ мог находиться в двух положениях: СОН и БОДРСТВОВАНИЕ. Стоял тумблер в последнем.

Сюзанна подняла голову и увидела, что теперь один из экранов показывает младенца in utero²⁵. Мальчика. Красавца мальчика. Его пенис, как крошечная водоросль, плавал под пуповиной. А раскрытые глаза, несмотря на черно-белое изображение, были явно пронзительно-голубыми. И взгляд малого словно просвечивал ее насквозь.

Это же глаза Роланда, изумленно подумала она, чувствуя себя круглой душой. Как такое может быть?

Не может, конечно. Это всего лишь плод ее воображения, метод визуализации, ничего больше. Но если так, почему она представила себе голубые глаза Роланда? Почему не светло-карие Эдди? Почему не светло-карие своего мужа?

Нет времени думать об этом. Делай, что нужно.

Она взялась за диск ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ТЕМПЕРАТУРА, всосав нижнюю губу между зубов (на мониторе, показывающем скамью в скверике, Миа тоже прикусила нижнюю губу). После короткой заминки повернула диск, установив напротив стрелки число 72, словно имела дело с термостатом. А разве нет?

И сразу же успокоилась. Расслабилась, сидя на стуле, отпустила нижнюю губу. На мониторе то же самое сделала и черная женщина. Ладно, пока все шло хорошо.

Она уже поднесла руку во второму диску ИНТЕНСИВНОСТЬ СХВАТОК, но в последний момент передумала и перевела тумблер МАЛОЙ из положения БОДРСТВОВАНИЕ в положение СОН. Глаза младенца тут же закрылись. А Сюзанне сразу полегчало. Очень уж тревожили ее эти голубые глаза.

Ладно, теперь пора заняться ИНТЕНСИВНОСТЬЮ СХВАТОК. Сюзанна хорошо понимала, что это самый важный элемент пульта управления, Эдди назвал бы его «Большим казино». Она положила руку на устаревший, какой давно не использовался ни на одном пульте управления, диск, попыталась повернуть и особо не удивилась, обнаружив, что ось диска «залипла» в гнезде. Диск определенно не хотел поворачиваться.

Ты повернешься, подумала Сюзанна. Потому что нам это нужно. Нам нужно, чтобы ты повернулся.

Она сильнее сжала его пальцами и начала медленно вращать против часовой стрелки. Болевой укол пронзил голову, и она поморщилась. Второй укол достался горлу, словно она проглотила рыбную косточку. Потом боль ушла, так же внезапно, как и появилась. Справа от нее замигала целая панель с лампами, в основном желтые, но несколько ярко-красных.

– ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ, – раздался голос, на удивление схожий с голосом Блейна Моно. – ПРОЦЕСС МОЖЕТ ВЫЙТИ ЗА ПАРАМЕТРЫ БЕЗОПАСНОСТИ.

²⁴ Для справки: по шкале Фаренгейта 32 градуса – температура замерзания воды, 212 – кипения.

²⁵ в матке (лат.).

Кто бы спорил, Шерлок, подумала Сюзанна. Напротив стрелки уже стояла цифра 6. Продолжая вращать диск ИНТЕНСИВНОСТЬ СХВАТОК, она провернула мимо стрелки цифру 5; тут замигала еще одна панель желто-красных огней, а три монитора, показывающих Калью, с шипением отключились. Вновь боль раскаленными пальцами сжала голову. Где-то под ней включились моторы или турбины. Мощные, судя по звуку. Она чувствовала, как вибрация с пола передается ее ногам, естественно, босым: туфли взяла Миа. *Ну и ладно*, подумала она. *До этого у меня вообще ног не было, так что грех жаловаться.*

– ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ, – повторил механический голос. – **ТО, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, ОПАСНО, СЮЗАННА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА. ПОСЛУШАЙ, ПРОШУ ТЕБЯ, НЕЛЬЗЯ ИДТИ ПРОТИВ ПРИРОДЫ.**

На ум пришла одна из поговорок Роланда: «Ты делаешь то, что должен, и я сделаю то, что должен, а потом посмотрим, кому достанется ярмарочный гусь». Она не могла с точностью сказать, что сие означает, но поговорка в полной мере соответствовала сложившейся ситуации, а потому Сюзанна повторила ее вслух, медленно, но без остановок поворачивая диск ИНТЕНСИВНОСТЬ СХВАТОК. Мимо стрелки прошла цифра 4, потом 3...

Она собиралась дойти до 1, но когда против стрелки оказалась цифра 2, голову пронзила такая дикая боль, что она едва не лишилась чувств, и убрала руку.

С мгновение боль не уходила, даже усилилась, Сюзанна уже подумала, что она ее убьет. Миа свалилась бы со скамьи, на которой сидела, и обе умерли бы еще до того, как тело, которое они делили, упало бы на асфальт перед скульптурой черепахи. А завтра или днем позже ее останки отправили бы на «Поттерс филд»²⁶. И что написали бы в свидетельстве о смерти? Инсульт? Инфаркт? А может, что чаще всего писал вечно спешащий, заваленный работой патологоанатом, смерть от естественных причин?

Но боль ушла, и после ее ухода Сюзанна обнаружила себя среди живых. Сидела перед пультом управления с двумя нелепыми дисками и тумблером, медленно и глубоко дышала, обеими руками стирала со щек пот. Ну и ну, похоже, в визуализации она могла претендовать на звание чемпиона мира.

Однако это больше, чем визуализация... ты ведь знаешь, так?

Она полагала, что да, знала. Что-то ее изменило... изменило их всех. Джейк овладел прикосновениями, одной из разновидностей телепатии. Эдди – умением (и оно только совершенствовалось) создавать магические предметы, талисманы, с помощью одного из них уже удалось открыть дверь между мирами. А она?

Я... представляю себе. Вот и все. Только если что-то я представляю себе достаточно четко, представленное начинает превращаться в реальное. Точно так же, как становилась реальной Детта Уокер.

Теперь по всему «Догану», в версии Сюзанны, горели желтые лампы. Прямо у нее на глазах некоторые из них сменили цвет на красный. Под ее ногами, особыми ногами – только для гостей, она видела сквозь них, трясся и дребезжал пол. Тряска эта могла привести к появлению трещин. Трещины стали бы углубляться и расширяться. Дамы и господа, добро пожаловать в Дом Ашероу.

Сюзанна поднялась, огляделась. Пора возвращаться. Или прежде чем уйти, ей еще нужно что-то сделать?

И в голову пришла дельная мысль.

²⁶ «Поттерс филд» – нью-йоркское кладбище для бедняков и тех, чью личность установить не удалось.

3

Сюзанна закрыла глаза и представила себе радиомикрофон. А открыв, увидела его. Он стоял на пульте, справа от дисков и тумблера. На подставке она «рисовала» фирменный зенитовский знак²⁷ – слово «Зенит» рядом с молниеобразной Z, но обнаружила там логотип другой компании – «Северного центра позитроники». Значит, кто-то или что-то подкорректировало ее визуализацию. И это пугало.

На пульте управления, позади микрофона, появился какой-то прибор с полукруглой трехцветной индикаторной шкалой. Под ней тянулась надпись: СЮЗАННА-МИО. Игла-индикатор уже сместилась из зеленого сектора в желтый. За желтым следовал красный, с черным словом: ОПАСНОСТЬ.

Сюзанна взяла микрофон, повертела в руках, не зная, как им воспользоваться. Опять закрыла глаза, представила себе тумблер, похожий на тот, что переключался в одно из двух положений: «СОН» и «БОДРСТВОВАНИЕ», на боковой стороне подставки. Открыв глаза, увидела тумблер. Надавила на него, переводя в положение «ВКЛЮЧЕНО».

– Эдди, – начала она, подумала, как глупо все это выглядит со стороны, но продолжила: – Эдди. Если ты меня слышишь, я в порядке, по крайней мере сейчас. Я с Миа, в Нью-Йорке. Сегодня первое июня 1999 года, и я постараюсь помочь ей родить. Выбора у меня нет, во всяком случае, я его не вижу. Если не останется ничего другого, я попытаюсь избавиться от ребенка сама. Эдди, береги себя. Я... – Глаза у нее наполнились слезами. – Я люблю тебя, сладенький. Очень сильно.

Слезы покатались по щекам. Она уже начала вытирать их, потом убрала руки от лица. Разве она не имела права плакать, тоскуя по своему мужчине? Как и любая другая женщина?

Она подождала ответа, зная, что может получить его, если захочет, и устояла перед соблазном. Не та ситуация, когда разговор с самой собой, только голосом Эдди, мог принести хоть какую-то пользу.

Внезапно ее зрение раздвоилось. Она видела и «Доган», существовавший только в ее сознании, и реальный мир за его пределами. На этот раз не пустыню на восточном берегу Уайе, а забитую транспортом Вторую авеню.

Миа открыла глаза. Она вновь отлично себя чувствовала (*благодаря мне, сладенькая, благодаря мне*) и больше не желала сидеть на скамье.

Сюзанна вернулась.

²⁷ «Зенит» – товарный знак радио-, телевизионной и звукозаписывающей аппаратуры фирмы «Зенит электроник».

4

Черная женщина (которая все еще полагала себя негритянкой) сидела на скамье в Нью-Йорке в первый день лета 1999 года. Черная женщина, со своими пожитками, амуницией. В том числе мешком из вылинявшей красной материи с надписью ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДНЕГО МАНХЭТТЕНА. На другой стороне, в мире Кальи, мешок был розовым. Цвета розы.

Миа встала. Сюзанна тут же перехватила контроль и заставила ее сесть.

Зачем ты это сделала? – в удивлении спросила Миа.

Я не знаю. Понятия не имею. Но давай сначала посоветуемся. Почему бы тебе прежде всего не сказать мне, куда ты хочешь пойти?

Мне нужен телефон. Мне позвонят.

Телефон, поправила ее Сюзанна. Между прочим, твоя рубашка в крови, сладенькая, в крови Маргарет Эйзенхарт, и рано или поздно кто-нибудь поймет, что это кровь. И что ты тогда будешь делать?

Миа ответила не словами, а презрительной улыбкой. Понятное дело, Сюзанна разозлилась. Пять минут тому назад, а может, и пятнадцать, – трудно следить за временем, когда уходишь в себя, это укравшая ее тело сучка молила о помощи. Теперь ей помогли, и что получает спасительница? Презрительную улыбку. А еще обиднее, что эта сучка скорее всего права: небось проходит по Среднему Манхэттену весь день, и никто не спросит, запекшаяся ли кровь у нее на рубашке или она опрокинула на себя шоколадный коктейль с содовой.

Хорошо, допустим никто не потревожит тебя насчет крови, – согласилась она, но куда ты собираешься деть все эти вещи? И тут же в голову пришел еще один вопрос, который, наверное, следовало задать в первую очередь.

Миа, а откуда тебе известно о существовании телефонов? Только не говори мне, что там, откуда ты пришла, они тоже есть.

Никакой реакции. Лишь настороженное молчание. Но она стерла улыбку с лица сучки; хоть этого, но добилась.

У тебя есть друзья, не так ли? Или ты по крайней мере думаешь, что они – друзья. Люди, с которыми ты говорила у меня за спиной. Люди, которые помогут тебе. Так ты, во всяком случае, думаешь.

А ты собираешься мне помочь? – вернулась, стало быть. И злая. Но что за злостью? Страх? Возможно, чересчур смело, на текущий момент. Но волнение – точно. *Сколько у меня... у нас... времени до того, как снова начнутся схватки?*

Сюзанна полагала, что схватки вернутся через шесть, максимум через десять часов, наверняка до наступления полуночи, то есть точно первого, а не второго июня, но предпочла не делиться этой информацией.

Не знаю. Думаю, достаточно скоро.

Тогда нам пора. Я должна найти телефон. Фон. В укромном месте.

Сюзанна подумала об отеле на пересечении Сорок шестой улицы и Первой авеню, но постаралась сохранить это в тайне от Миа. Взгляд ее упал на мешок, когда-то розовый, а теперь красный, и внезапно ей многое стало ясно, пусть не все, но достаточно для того, чтобы встретиться и разозлиться.

Оставим его здесь, говорила Миа о кольце, которое сделал ей Эдди. *Здесь он сможет его найти. Потом, если ка захочет, ты, возможно, снова будешь его носить.*

Не обещание, конечно, во всяком случае, не прямое, но Миа намекала...

Ярость захлестнула рассудок Сюзанны. Нет, ничего она не обещала. Она просто развернула Сюзанну в определенном направлении, а Сюзанна сделала все остальное.

Она не обманывала меня, лишь позволила мне обмануть себя.

Миа встала, но Сюзанна опять перехватила контроль и заставила ее сесть. На этот раз просто припечатала к скамье.

Что? Сюзанна, ты обещала! Малой...

Я помогу тебе с малым, мрачно ответила Сюзанна. Наклонилась, подняла красный мешок. Мешок с ящиком внутри. А что в ящике? В ящике из «дерева призраков» со словом **НЕНАЙДЕННАЯ**, написанном рунами? Она почувствовала зловещее биение сквозь слой магического дерева и ткань, его покрывавшую. И так, Черный Тринадцатый в ящике. Миа пронесла его через дверь. Но если дверь открывал магический кристалл, то как Эдди сможет пойти следом за ней, Сюзанной?

Я сделала то, что следовало сделать, нервно вырвалось у Миа. *Это мой ребенок, мой малой, и все сейчас играют против меня. Все, за исключением тебя, да и ты помогаешь мне только потому, что должна. Вспомни, что я сказала... если ка захочет, сказала я...*

Ответил ей голос Детты Уокер. Грубый, хриплый, не терпящий возражений. «На ка мне насрать, и тебе лучше помнить об этом. У тебя проблемы, девочка. Ты ведь знать не знаешь, что тебя ждет. Какие-то люди сказали тебе, что помогут, а ты даже не знаешь, кто они. Черт, да ты не знаешь, что такое телефон и где его найти. Так что мы будем сидеть здесь, и ты расскажешь мне, что должно произойти. Мы будем совещаться, девочка, и если ты будешь юлить и вертеть хвостом, мы просидим здесь с мешками до ночи, а потом ты сможешь родить своего драгоценного малого прямо на этой скамье и омыть его из этого гребаного фонтана».

И черная женщина, сидящая на скамье, оскалила зубы в злобной ухмылке, характерной для Детты Уокер.

Тебе дорог этот малой... и Сюзанна, она тоже питает к малому какие-то чувства... но меня практически выжили из этого тела, и мне... на него... насрать.

Женщина, проходившая мимо скверика с детской прогулочной коляской (коляска эта казалась пушинкой по сравнению с инвалидной Сюзанны, оставшейся у тропы, что вела к Пещере двери), нервно глянула на негритянку, которая сидела на скамье, и тут же ускорила шаг, буквально побежала, увозя своего ребенка от греха подальше.

– Вот так! – воскликнула Детта. Здесь, однако, клево, ты согласна? И погода располагает к долгой беседе. Ты меня слышишь, мамуля?

Ничего не ответила Миа, дочь, не знающая отца и мать одного ребенка. Детту ее молчание нисколько не смутило; ухмылка стала шире.

Ты меня слышала, все так. Ты хорошо меня слышала. Так что давай немного поболтаем. Давай посоветуемся.

КУПЛЕТ: Кам-каммала – эй!

Что стоишь у моих дверей?

Если не скажешь,

То мертвым ляжешь

Прямо у этих дверей!

ОТВЕТСТВИЕ: Кам-каммала – мечты!

Да с кем связался ты?

Я видался с такими,

Справлялся с ними,

Как и не знаешь ты!

Строфа 5 Черепаша

1

Миа сказала: *Разговор пойдет легче... и быстрее... если мы встретимся лицом к лицу. Как же нам это сделать?* – спросила Сюзанна.

Мы можем побеседовать в замке, без запинки ответила Миа. *В Замке-над-бездной. В банкетном зале. Помнишь банкетный зал?*

Сюзанна кивнула, но как-то неуверенно. Ее воспоминания о банкетном зале всплыли недавно и были смутными. Однако она об этом не сожалела. Миа там ела... скажем так, с большим аппетитом. Из многих тарелок, в основном брала еду пальцами, и пила из многих стаканов, и говорила со многими фантомами, разными чужими голосами. Позаимствованными? Хрена с два, украденными голосами. Два из них Сюзанна знала очень хорошо. Один – нервный и довольно-таки высокомерный Одетты Холмс, «культурный» голос. Другой, грубый, неприятный, – Детты. Миа уворовала все составляющие личности Сюзанны, и если Детта вернулась, злющая, готовая мстить, то заслуга в этом принадлежала в большей степени незваной гостье в теле Сюзанны.

Стрелок видел меня там, продолжила Миа. *И мальчик тоже.*

Последовала короткая пауза.

Я встречалась с ними прежде.

С кем? Джейком и Роландом?

Ага, с ними.

Где? Когда? Как ты смогла...

Мы не можем говорить здесь. Пожалуйста. Давай уйдем в более укромное место.

Место с телефоном, ты это хочешь сказать? Чтобы твои друзья могли тебе позвонить.

Я мало что знаю, Сюзанна из Нью-Йорка, но, думаю, ты хотела бы услышать даже ту малость, что известна мне.

Сюзанна придерживалась того же мнения. И пусть она не хотела признаваться в этом Миа, ей тоже не терпелось покинуть Вторую авеню. Случайный прохожий мог принять пятна на рубашке за пролитый шоколадный коктейль с содовой или кофе, но Сюзанна точно знала, что эти пятна не просто кровь, а кровь храброй женщины, отважно сражающейся за спасение детей своего городка.

Да еще мешки, лежавшие у ее ног. В Нью-Йорке она насмотрелась на мешочников, будьте уверены. А сейчас ощущала себя такой же, и чувство это ей совершенно не нравилось. Ее растили для лучшей жизни, как сказала бы мать. Всякий раз, когда кто-то проходил по тротуару или через скверик и бросал на нее короткий взгляд, у нее возникало желание сказать ей или ему, что она вовсе не полоумная, хотя таковой и выглядит: рубашка в пятнах, грязное лицо, длинные, спутанные волосы, сумочки нет, только три мешка у ног. Бездомная – да, но только второй такой бездомной просто нет, потому что ее лишили не только дома, но и своего времени; однако она в здравом уме. Она понимала, ей нужно посоветоваться с Миа и разобраться, что, собственно, происходит, все так. Но не менее необходимым считала другое, естественное: помыться, переодеться в чистое, на какое-то время укрыться от посторонних глаз.

С тем же успехом можно желать луну с неба, сладенькая, сказала она себе... и Миа, если последняя слушала. *Уединение стоит денег. Ты в том Нью-Йорке, где за один гамбургер*

могут попросить больше доллара, каким бы безумием это ни казалось. А у тебя нет ни су. Лишь с дюжину тарелок с заостренной кромкой да черный магический кристалл. И что ты собираешься делать?

Прежде чем она успела ответить на свой же вопрос, Нью-Йорк исчез, и она вернулась в Пещеру двери. Когда побывала там впервые, мало что запомнила: тело контролировала Миа и стремилась как можно скорее проскочить в дверь, но теперь видела все ясно и отчетливо. Там был отец Каллагэн. Эдди. И брат Эдди, в каком-то смысле. Сюзанна слышала голос Генри Дина, долетающий из глубин пещеры, печальный и обвиняющий: *Я в аду, брат! Я в аду, не могу добыть дозы, и все это твоя вина!*

И пусть Сюзанна никак не могла сообразить, как она оказалась в пещере и почему, этот противный голос невероятно разъярил ее: *А в том, что жизнь Эдди пошла наперекосяк, виноват ты!* – заорала она. *Тебе следовало сделать всем одолжение и сдохнуть молодым, Генри!*

Те, кто находился в пещере, и ухом не повели. Как такое могло быть? Неужто она перенеслась туда посредством Прыжка, как говорится, для полного счастья? Если так, почему не звучали колокольца?

Успокойся. Успокойся, любимая, зазвучал в голове голос Эдди, до боли родной. *Просто смотри и слушай.*

Ты его слышала? – спросила она Миа. *Ты...*

Да. А теперь заткнись!

– Как думаешь, сколько нам придется тут пробыть? – спросил Эдди Каллагэна.

– Боюсь, какое-то время мне потребуется, – ответил Каллагэн, и Сюзанна поняла, что видит эпизод прошлого. Эдди и Каллагэн отправились в Пещеру двери для того, чтобы постараться отыскать Келвина Тауэра и его друга Эрона Дипно. Произошло это накануне сражения с Волками. Каллагэн прошел через дверь. Черный Тринадцатый подчинил себе Эдди, пока священник отсутствовал. И едва не убил его. Каллагэн все-таки сумел вернуться вовремя и перехватил Эдди на краю пропасти, в которую тот, задержись он чуть дольше, неминуемо бы прыгнул. А в этот момент Эдди вытаскивал мешок... розовый, да, она не ошиблась, в Калье он был розовым, из-за книжного шкафа с первыми изданиями, принадлежащего доставившему всем столько хлопот сэю Тауэру. Магический кристалл, что хранился в мешке, требовался им, как и Миа, только для одного: чтобы открыть Ненайденную дверь.

Эдди поднял мешок, начал поворачиваться, застыл. Брови его сошлись у переносицы.

– Что такое? – спросил Каллагэн.

– Там что-то есть.

– Да, ящик.

– Нет, что-то в мешке. Зашило в материю. На ощупь – камешек... – И внезапно он уже в упор смотрел на Сюзанну, а она осознала, что сидит на скамье в скверике. И слышит не голоса, доносящиеся из глубин пещеры, а плеск воды в фонтане. Пещера таяла. Эдди и Каллагэн таяли. Последние слова Эдди донеслись до нее из далекого далека. – Может, это потайной карман.

И все исчезло.

2

Она не уходила в Прыжок. Ее короткий визит в пещеру был не чем иным, как видением. Но кто ей его послал? Эдди? Если он, означает ли это, что до него дошли ее слова, произнесенные в «Догане»? На эти вопросы ответить Сюзанна не могла. Но спросила бы у него, если б увидела вновь. После того как поцеловала бы тысячу раз, обязательно спросила.

Миа уже подняла красный мешок и медленно ощупывала его руками. На дне стоял ящик, это точно. Но между тесемками и ящиком обнаружилось маленькое затвердение. Эдди не ошибся: на ощупь похоже на камешек.

Она (а может, они – на тот момент это не имело никакого значения) развязала тесемки, вывернула верхнюю часть мешка наизнанку. Пульсирование, исходившее от магического кристалла, лежащего в ящике, конечно же, усилилось, но она постаралась отгородиться от него ментальным барьером. На внутренней поверхности мешка увидела... что-то похожее на шов.

Наклонилась ниже и обнаружила, что никакой это не шов, а застежка. Она с такой никогда не сталкивалась, эта застежка стала бы диковинкой и для Джейка, а вот Эдди сразу бы понял, что перед ним «велкро»²⁸. Впрочем, Сюзанна слышала песню группы «Зи. Зи. Топ»²⁹, в которой отдавалось должное этому достижению технической мысли. Называлась она «Ширинка на „липучке“». Она сунула ноготь в застежку и потянула на себя. Застежка разошлась с мягким шуршанием, открыв маленький кармашек.

Что там? – замороженно спросила Миа.

Сейчас увидим.

Она сунула руку в карман, но достала не камешек, а маленькую черепашку. Судя по внешнему виду, вырезанную из слоновой кости. Резчик постарался, тщательно скопировав каждую миниатюрную деталь панциря, но красоту черепашке подпортили царапиной, отдаленно напоминающей вопросительный знак. Голову черепашка наполовину высунула из-под панциря. Глазки – маленькие черные точки, выглядели на удивление живыми. Заметила она и еще один дефект, на носу черепахи – не царапину, но крошечный скол.

– Она древняя, – прошептала Сюзанна вслух. – Такая древняя.

Да, так же шепотом ответила ей Миа.

С черепашкой в руке Сюзанне как-то сразу стало очень хорошо. С черепашкой она почувствовала себя в полной безопасности.

Смотри – черепаха, подумала она. *Смотри – черепаха, панцирь горой, тащит на нем весь шар земной.* Так? Она предположила, что, пожалуй, все вспомнила правильно. Ведь к Башне они шли по Лучу. Медведь на одном конце – Шардик. Черепаха на другом – Матурин.

С миниатюрной черепашки, найденной в потайном кармане мешка, она перевела взгляд на скульптуру у фонтана. За исключением разницы в размерах и материале – скульптуру у скамьи сработали из какого-то темного металла, который кое-где поблескивал медью, – черепахи были совершенно одинаковыми, вплоть до царапины на панцире и клинообразного скола на носу. На мгновение у нее перехватило дыхание, да и сердце, похоже, тоже остановилось. В этом невероятном походе к Башне она шла от события к событию, иной раз ото дня ко дню, ни над чем не задумываясь, просто влекомая тем, что Роланд называл ка. А потом что-то происходило, что-то из ряда вон выходящее, позволяющее ей пусть на чуть-чуть, но увидеть более общую картину, и вид этот заставлял ее замирать в благоговейном восторге и изумлении. Она

²⁸ «Велкро» – застежка-липучка разработки компании «Велкро», выведенная на рынок в 80-х годах и с тех пор получившая широкое распространение в одежде, обуви и т. д.

²⁹ «Зи. Зи. Топ (Z.Z. Top)» – рок-группа, созданная в Техасе в 1969 г. и до сих пор пользующаяся большим успехом. Более подробную информацию можно получить в интернете на официальном сайте группы zztop.com.

чувствовала силы, которые не могла не то чтобы понять, даже представить себе. Некоторые, как шар в ящике из «дерева призраков», олицетворяли зло. Но эта... *эта...*

– Вау, – произнес кто-то. Скорее, выдохнул.

Она подняла глаза и увидела бизнесмена, судя по костюму, весьма процветающего, который стоял у скамьи. Он проходил через сквер, возможно, направляясь на какое-то столь же важное, как и он сам, мероприятие, совещание, конференцию, а может, даже на заседание в ООН, штаб-квартира которой находилось поблизости (если, конечно, ее за эти годы не перенесли в другое место, город, страну). Но вдруг остановился у скамьи как вкопанный. Дорогой дипломат выпал из правой руки. Глаза широко раскрылись, взгляд не отрывался от черепашки в руке Сюзанны-Миа. Лицо расплылось в широченной, несколько глуповатой, словно ее обладатель обкурился травкой, улыбке.

Убери ее! – в испуге воскликнула Миа. *Он ее украдет!*

Пусть только попробует, ответила Детта Уокер. Голос звучал расслабленно, ее забавляла эта идея. Выглянуло солнце, и Сюзанна всем своим существом вдруг осознала, что день-то, если отбросить все остальное, прекрасный. Великолепный. Потрясающий.

– Прекрасно, великолепно, потрясающе, – вновь заговорил бизнесмен (а может, дипломат), который напрочь забыл о своих делах. Повторил практически те же слова, что возникли в голове черной женщины, но с чем он их соотнес: с днем или с черепашкой, вырезанной из слоновой кости?

С обоими, подумала Сюзанна и тут же решила, что понимает незнакомца. И Джейк тоже бы понял... да еще лучше, чем она! Она рассмеялась. В ее голове рассмеялись Детта и Миа. Миа, пожалуй, против воли. И бизнесмен – или дипломат – тоже рассмеялся.

– Да, я и про день, и про черепашку, – подтвердил бизнесмен, на английском он говорил с легким скандинавским акцентом. – Какая очаровательная у вас вещица! – *Какая очаровательная у фас феищица!*

Да, черепашка очаровательная. Маленькое очаровательное сокровище. И однажды, впрочем, не так уж и давно, Джейк Чеймберз нашел что-то на удивление похожее. В книжном магазине Келвина Тауэра Джейк купил книжку Берил Эванс «Чарли Чу-Чу». Почему? Потому что книжка позвала его. Позже, аккурат перед тем, как ка-тет попал в Калью Брин Стерджис, автор у книжки сменился. Им стала Клаудия-и-Инесс Бахман и тем самым попала в члены постоянно расширяющегося катета Девятнадцати. Джейк положил ключ в эту книжку, и Эдди вырезал двойник ключа в Срединном мире. Ключ Джейка завораживал людей, которые его видели, и они с готовностью выполняли любые просьбы мальчика. Как и у ключа Джейка, у черепашки из слоновой кости был двойник; она, Сюзанна, сидела рядом с ним. Черепашка завораживала людей точно так же, как и ключ Джейка. И вопрос теперь заключался лишь в одном: появится ли у них готовность исполнять просьбы того, кто держал черепашку в руке?

Судя по тому, как скандинавский бизнесмен смотрел на черепашку, Сюзанна решила, что ответ скорее всего будет положительным. Подумала: *Дад-а-чака, дад-а-пах, не волнуйся, крошка, у тебя черепах!* От этого глупого стишка Сюзанна едва не расхохоталась.

А Миа она сказала: *Позволь мне все уладить.*

Уладить что? Я не понимаю...

Знаю, что не понимаешь. Вот и позволь мне все уладить. Договорились?

Ждать ответа Миа не стала. Повернулась к бизнесмену, радостно улыбаясь, подняла черепашку так, чтобы он мог получше ее разглядеть. Переложив из правой руки в левую, заметила, как его взгляд последовал за черепашкой, хотя голова с величественной гривой седых волос не шевельнулась.

– Как ваше имя, сэй? – спросила Сюзанна.

– Матиссен ван Вик, – ответил он. Взгляд медленно перемещался вслед за черепашкой, которая вернулась в правую руку. – Я второй заместитель представителя Швеции при ООН.

Моя жена завела себе любовника. Меня это печалит. Но кишечник у меня вновь функционирует нормально. Лечебный чай, рекомендованный массажистом отеля, подействовал, и меня это радует. – Пауза. А потом: – Глядя на вашу skolpadda³⁰, я становлюсь счастливым.

Сюзанна пришла в восторг. Если б она попросила мужчину скинуть брюки и опорожнить вновь функционирующий нормально кишечник прямо на тротуаре, он бы выполнил ее просьбу? Несомненно.

Она огляделась, убедилась, что поблизости никого нет. Это, конечно, радовало, но все же она решила, что не стоит тянуть с задуманным, лучше все сделать как можно быстрее. Джейк со своим ключом собрал целую толпу. Ей же хотелось по возможности этого избежать.

– Матиссен, – начала она, – вы упомянули...

– Матс.

– Простите?

– Зовите меня Матс. Мне так больше нравится.

– Хорошо, Матс. Вы упомянули...

– Вы говорите на шведском?

– Нет, – ответила она.

– Тогда будем говорить на английском.

– Да, я бы не возражала.

– Я занимаю важный пост. – Глаза Матса ни на мгновение не отрывались от черепахи. – Я встречаюсь с влиятельными людьми. Я бываю на коктейль-пати, куда красивые женщины приходят в «маленьких черных платьицах».

– Должно быть, вам это в кайф. Матс, я хочу, чтобы вы заткнули пасть и открывали ее, лишь когда я вам буду задавать прямые вопросы. Вы это сделаете?

Матс закрыл рот. Даже очень смешно провел рукой вдоль губ, словно застегнул их на молнию, но от черепашки глаз не оторвал.

– Вы упомянули отель. Вы живете в отеле?

– Йа-а, живу в нью-йоркском «Плаза-Парк-Хайатт»³¹, на углу Первой авеню и Сорок шестой улицы. Скоро перееду в квартиру в кондоминиуме...

Матс, похоже, понял, что опять говорит слишком много, и закрыл рот.

Сюзанна торопливо обдумывала продолжение разговора, держа черепашку перед грудью, чтобы новый друг видел ее очень хорошо.

– А теперь, Матс, слушайте меня внимательно.

– Я слушаю, чтобы слышать, госпожа-сэй, и слышать, чтобы повиноваться. – Ее это покорило, учитывая, что произносились эти слова с мягким скандинавским акцентом.

– У вас есть кредитная карточка?

Матс гордо улыбнулся.

– У меня их много. «Американ экспресс», «МастерКард», «Виза». У меня есть «Евро-Голдкард». У меня...

– Хорошо, это хорошо. Я хочу, чтобы вы пошли... – она запнулась, вспоминая название отеля, – в отель «Плаза-Парк» и сняли номер. Сняли номер на неделю. Если вас спросят, скажите, что это для вашей подруги. – Тут в голове мелькнула неприятная мысль. Конечно, это Нью-Йорк, север, 1999 год, и хотелось бы верить, что общество развивалось в правильном направлении, но в этом следовало убедиться заранее. – Они не станут возражать из-за того, что я – черная?

– Нет, разумеется, нет. – В голосе явственно слышалось изумление.

³⁰ черепаха (шв.).

³¹ «Хайатт» – сеть отелей высокого класса, принадлежащих одноименной корпорации.

– Снимите номер на свое имя и скажите портье, что жить в нем будет женщина, которую зовут Сюзанна Миа Дин. Вы понимаете?

– Йа-а, Сюзанна Миа Дин.

Что еще? Естественно, деньги. Она спросила, есть ли у него наличные. Ее новый друг достал бумажник и протянул ей. Продолжая держать черепашку в одной руке, так чтобы Матс ее видел, другой Сюзанна порылась в бумажнике, кожаном, дорогом, известной фирмы «Лорд Бакстон». Нашла пачку дорожных чеков, для нее бесполезных, учитывая витиеватую подпись с немыслимыми загогулинами, и примерно две сотни долларов – старую, добрую, американскую «капусту». Достала их и бросила в пакет от «Бордерс», где не так уж и давно лежали туфли. А когда подняла голову, ее ждал неприятный сюрприз: к бизнесмену присоединилась парочка герлскаутов, лет четырнадцати, с рюкзаками на спине. Они уставились на черепашку. Блестели глаза, блестели влажные губы. Сюзанне сразу вспомнились девушки-зрительницы на «Шоу Эда Салливана»³² в тот вечер, когда ведущий пригласил Элвиса Пресли.

– Кру-у-у-то, – выдохнула одна.

– А-ахрентительно, – откликнулась вторая.

– А теперь, девочки, идите по своим делам, – приказала Сюзанна.

Лица сморщились, на обоих отразилась печаль. Они вдруг стали похожими друг на друга, как близняшки из Кальи.

– А надо? – спросила первая.

– Да! – отрезала Сюзанна.

– Спасибо, сэй, долгих дней и приятных ночей, – ответила вторая. Слезы покатались по щекам. Ее подруга тоже заплакала.

– И забудьте, что видели меня! – добавила Сюзанна, когда они повернулись, чтобы уйти.

Проследила за ними, пока они не вышли на Вторую авеню и не зашагали к Верхнему Манхэттену, после чего вновь взглянула на Матса ван Вика.

– Тебе тоже пора пошевеливаться, Матс. Бери ноги в руки, двигай в отель и сними номер. Скажи им, что твоя подруга Сюзанна скоро придет.

– Что значит – бери ноги в руки? Я не понимаю...

– Это значит – поторопись. – Она протянула ему бумажник, жалея, что не рассмотрела как следует все эти пластиковые карточки, и гадая, почему их так много у одного человека. – Как только снимешь номер, отправляйся по своим делам, уж не знаю, куда ты шел, когда оказался в сквере. Забудь, что видел меня.

И тут Матс заплакал, совсем как девочки в зеленой форме.

– Я должен забыть и skolpadda?

– Да. – Сюзанна вспомнила гипнолизера, которого видела в каком-то телевизионном варьете-шоу, может, того же Эда Салливана. – Никакой черепахи вы не видели, но до конца дня будете пребывать в прекрасном расположении духа, слышите меня? Будете чувствовать себя... – «словно выиграла миллион баксов, крон»? Возможно, миллион баксов для него ничего не значил, а миллиона крон не хватило бы и на стрижку. – Будете чувствовать себя так, будто вас назначили представителем Швеции в ООН. И перестаньте тревожиться насчет любовника вашей жены. К черту его, так?

– Йа-а, к черту этого парня! – воскликнул Матс и уже заулыбался, хоть и продолжал плакать. Что-то удивительно детское проглянуло в этой улыбке. Глядя на нее, Сюзанна одновременно радовалась и огорчалась. Ей захотелось сделать для Матса ван Вика что-то еще, раз уж была такая возможность.

³² «Шоу Эда Салливана» – телешоу в жанре варьете, которое более двух десятилетий (1948–1971) шло по телевидению каждый воскресный вечер. Для многих эстрадных актеров и музыкантов, в частности для Боба Хоупа и «Битлз», это шоу стало дебютом на ТВ.

– А ваш кишечник...

– Йа-а?

– Будет до конца вашей жизни работать как часы. – Сюзанна подняла черепашку повыше. – Когда вы обычно справляете большую нужду, Матс?

– Сразу после завтрака.

– Пусть так и будет. До конца вашей жизни. Если только вы не будете заняты. Будете опаздывать на встречу или куда-то еще, просто скажите... э... Матурин, и желание облегчиться перенесется на следующий день.

– Матурин.

– Совершенно верно. А теперь идите.

– Я не могу взять skolpadda?

– Нет, не можете. Идите, сейчас же.

Он уже шагнул от скамьи, остановился, вновь посмотрел на Сюзанну. И хотя щеки остались влажными, на губах играла хитрая, даже озорная улыбка.

– Может, мне следует взять ее? Может, она моя по праву?

Давай поглядим, что получится из твоей затеи, козел, подала голос Детта, но Сюзанна, которая все больше и больше чувствовала себя лидером этой странной триады, в ту же секунду осадила ее.

– Почему вы так сказали, приятель? Скажите, прошу вас?

Озорства в улыбке прибавилось. «Только не говори, будто не понимаешь», – читалось в ней. Так, во всяком случае, воспринимала эту улыбку Сюзанна.

– Матс, Матурин. Матурин, Матс. Вы чувствуете?

Сюзанна чувствовала. Хотела сказать ему, что это всего лишь совпадение, потом подумала: *Калья, Каллагэн.*

– Я чувствую. Но skolpadda не ваша. И не моя.

– Тогда чья? – умоляюще.

И прежде чем рассудок смог остановить ее (хотя бы скорректировать ответ), Сюзанна сказала правду, которую знали душа и сердце: *Она принадлежит Башне, сэй. Темной Башне. Туда я ее и возвращу, если будет на то воля ка.*

– Да пребудут боги с тобой, леди-сэй.

– И с тобой, Матс. Долгих тебе дней и приятных ночей.

Она проводила шведского дипломата взглядом, потом посмотрела на вырезанную из слоновой кости черепашку: *А ведь это забавно, не так ли, Матс, старина?*

Миа черепашка не интересовала, ее заботило только одно: *Этот отель. Там будет телефон?*

3

Сюзанна-Миа сунула черепашку в карман синих джинсов и заставила себя подождать двадцать минут на скамье в скверике. Провела это время, восхищаясь своими отросшими ногами (кому бы они ни принадлежали, ножки были что надо) и шевеля новенькими пальцами в новых

(отобранных, украденных)

туфлях. Однажды закрыла глаза и перенеслась в зал управления «Догана». Желтых и красных огней прибавилось, машины, установленные под полом, гудели сильнее, но стрелка на индикаторной шкале, маркированной СЮЗАННА-МИО, лишь на чуть-чуть сдвинулась по желтому сектору в сторону красного. На полу начали появляться трещины, как она и предполагала, но пока они не выглядели угрожающими. Ситуация, конечно, оставляла желать лучшего, но Сюзанна склонялась к тому, что с этим можно жить.

Чего мы ждем? – спросила Миа. Почему мы здесь сидим?

Я даю шведу время сделать в отеле все, что нужно, и уйти, ответила Сюзанна.

Когда она решила, что времени прошло достаточно и номер наверняка заказан, собрала мешки, поднялась, пересекла Вторую авеню и двинулась по Сорок шестой улице к отелю «Плаза-Парк».

4

Вестибюль заливал приятный глазу послеполуденный свет, отраженный угловыми панелями зеленого стекла. Сюзанна никогда не бывала в таком прекрасном зале, разумеется, за пределами собора Святого Патрика, и все-таки чувствовала в нем что-то чужое.

Потому что это будущее, подумала она.

Видит Бог, свидетельств тому она видела предостаточно. Автомобили стали меньше, их обводы разительно изменились. Большинство молодых женщин, попадавшихся ей по пути, выставляли напоказ свои животы. Виднелись и бретельки бюстгалтеров. Лишь увидев их четвертый или пятый раз кряду на коротком отрезке Сорок шестой улицы, Сюзанне удалось убедить себя, что это необъяснимый изыск моды, а не случайная небрежность хозяйки бюстгалтера. В ее дни, если из-под платья вдруг вылезала бретелька или подол комбинации, женщина стремглав бросалась в ближайший туалет и приводила одежду в порядок. Что же касается голых животов...

С голым животом тебя арестовали бы где угодно, за исключением разве что Кони-Айленда³³, подумала она. *Двух мнений тут быть не может.*

Но наибольшее впечатление на нее произвело другое ощущение – город стал больше. И она подразумевала под этим не только высоту домов. Город гремел. Вибрировал от распирающей его энергии. Даже воздух нес в себе особый отпечаток Нью-Йорка. Женщины, стоявшие в ожидании такси на тротуаре перед отелем (с виднеющимися бретельками или без оных), могли быть только нью-йоркскими женщинами; швейцары (два, а не один), останавливавшие такси, могли быть только нью-йоркскими швейцарами; таксисты (она изумлялась, как много среди них черных, и даже увидела одного в тюрбане), могли быть только нью-йоркскими таксистами, но все они стали... другими. Мир точно сдвинулся. Слово ее Нью-Йорк, Нью-Йорк 1964 года, играл в детской бейсбольной лиге, а этот выступал в одной из высших³⁴.

Войдя в вестибюль, Сюзанна остановилась, чтобы достать черепашку из кармана джинсов и собраться с духом. Слева находился салон красоты. Там сидели две женщины, о чем-то оживленно болтая, и взгляд Сюзанны на мгновение задержался на них. Она просто не могла поверить своим глазам, настолько женщины оголили ноги. Действительно, их юбки (эти полоски материи считались юбками? Ха-ха) едва прикрывали признаки пола. А ведь она смотрела не на девочек-подростков или молоденьких студенток. Этим женщинам было далеко за тридцать (а может, и за шестьдесят, она же не знала, каких успехов добилась наука за последние тридцать пять лет).

Справа Сюзанна увидела небольшой бар. В царящем в нем полумраке кто-то наигрывал на пианино блаженно-знакомую мелодию, «Ночь и день», и Сюзанна знала: пойдя она на звук, обязательно увидит обитые кожей стулья, множество поблескивающих бутылок и джентльмена в белом, который почтет за счастье обслужить ее, хотя до вечера еще далеко. Это грело душу.

Прямо перед ней расположилась регистрационная стойка, за которой восседала самая экзотическая женщина, какую Сюзанне довелось увидеть за всю жизнь. В ней явно смешались белая, черная и китайская крови. В 1964 году такую женщину, какой бы она ни была красивой, в приличном доме не пустили бы на порог. А здесь одели в ладный костюмчик и посадили за регистрационную стойку большого первоклассного отеля. Темная Башня могла шататься и мир, возможно, все сдвигался и сдвигался, но Сюзанна подумала, что эта красотка за регистрационной стойкой – живое доказательство того (если такие доказательства требовались), что далеко не все разваливалось или двигалось в неправильном направлении. Девушка разго-

³³ Кони-Айленд – парк аттракционов на южной оконечности Бруклина. Популярное место летнего отдыха ньюйоркцев.

³⁴ В американском бейсболе две высшие лиги: Национальная и Американская.

варивала с одним из жильцов отеля, который жаловался по поводу счета за просмотр фильмов в номере по кабельному каналу, что бы это ни означало.

Не бери в голову, это же будущее, вновь сказала себе Сюзанна. Научная фантастика – как город Лад. Лучше не вникать в подробности.

Мне без разницы, какая она и в каком мы году, подала голос Миа. Когда я окажусь рядом с телефоном? Я должна заботиться о малом.

Сюзанна уже прошла мимо таблички на треноге, потом повернулась, пригляделась к надписи:

С 1 ИЮЛЯ 1999 г.

НЬЮ-ЙОРКСКИЙ ОТЕЛЬ «ПЛАЗА-ПАРК-ХАЙАТТ»

СТАНОВИТСЯ ОТЕЛЕМ «КОРОЛЕВСКИЙ ООН-ПЛАЗА»

ЕЩЕ ОДИН БОЛЬШОЙ ПРОЕКТ «СОМБРА/СЕВЕРНОГО ЦЕНТРА»

«Сомбра», как в роскошном кондоминиуме «Бухта Черепахи»... который так и не построили, подумала Сюзанна, судя по баине из черного стекла на углу. А Северный центр – это Северный центр позитроники. Любопытно.

Она почувствовала резкий приступ головной боли. Сильной боли, от которой едва не раскололась голова. И она знала, чья это работа. Миа, которую нисколько не интересовали ни «Сомбра корпорейшн», ни «Северный центр позитроники», ни сама Темная Башня, начала терять терпение. Сюзанна понимала, что должна вразумить ее, хотя бы попытаться. Миа полностью заиклилась на малом, только, если она хочет его сохранить, ей, возможно, придется хоть немного, но расширить свой кругозор.

Она будет бороться с тобой за каждый чертов шаг, если ты избереешь этот путь, вставила Детта. И голос звучал очень уж радостно. Любила Детта хорошую драку. Ты это понимаешь, не так ли?

Она понимала.

Подождала, пока жилец объяснит, в чем проблема: он заказал какой-то фильм «категории Х»³⁵ по ошибке, он согласен оплатить просмотр, но только без соответствующего указания в счете. После того как девушка решила вопрос, к стойке подошла Сюзанна. Ее сердце гулко билось.

– Как я понимаю, мой друг, Матиссен ван Вик, снял для меня номер, – начала она, заметила неодобрение, с каким красotka смотрит на грязную рубашку, и нервно рассмеялась. – Очень хочется принять душ и переодеться. Несчастный случай, знаете ли. За ленчем.

– Да, мадам. Позвольте взглянуть. – Женщина отошла к какому-то устройству, гибриду пишущей машинки и маленького телевизионного экрана. Нажала на несколько клавиш, посмотрела на экран, повернулась к Сюзанне: – Сюзанна Миа Дин, так?

³⁵ Категория Х – по принятой в США классификации к этой категории относятся порнофильмы.

«Ты говоришь правильно, спасибо тебе», – едва не сорвалось с языка Сюзанны, но она успела плотно сжать губы.

– Да, совершенно верно.

– Вас не затруднит показать мне какой-нибудь документ, удостоверяющий вашу личность?

На мгновение Сюзанна остолбенела. Потом сунула руку в плетеную сумку и достала орису, взявшись за сектор с тупой кромкой. Ей вдруг вспомнились слова Роланда, сказанные Уэйну Оуверхолсеру, одному из самых крупных землевладельцев Кальи: «Наше дело – свинец». Орисы, конечно, нельзя считать пулями, но они тоже несли смерть. Одной рукой она протянула красотке тарелку, другой – черепашку, вырезанную из слоновой кости.

– Это вас устроит? – вежливо спросила она.

– Что... – начала красотка и замолчала, как только ее взгляд сместился с тарелки на черепашку. Глаза широко раскрылись, остекленели. Губы девушки, покрытые чем-то розовым и блестящим (Сюзанна подумала, что это скорее леденец, чем помада), чуть разошлись. Послышалось: – Ох-х-х-х...

– Это мое водительское удостоверение, видите? – пояснила Сюзанна. К счастью, рядом никого не было. Несколько человек из тех, кто поселился в отеле во второй половине дня, ловили на улице такси, вестибюль практически полностью опустел. В баре за сувенирным магазином мелодия «Ночи и дня» сменилась более меланхоличной «Звездной пылью».

– Водительское удостоверение, – восторженно, с придыханием согласилась девушка за регистрационной стойкой.

– Хорошо. Мне нужно где-нибудь расписаться?

– Нет... Мистер ван Вик снял номер... все, что от меня требуется... это проверить ваши... могу я подержать черепаху, мэм?

– Нет, – ответила Сюзанна, и красотка заплакала. Сюзанна изумленно наблюдала за этим феноменом. Так много людей она заставила плакать только однажды, когда в двенадцать лет сыграла на скрипке (первый и последний раз).

– Нет, мне нельзя ее подержать, – сказала красотка, слезы текли ручьем. – Нет, нет, мне нельзя, мне нельзя ее подержать, о, Дискордия, мне нельзя...

– Перестаньте хныкать, – приказала Сюзанна, и хныканье тут же прекратилось. – Дайте мне ключ от номера, пожалуйста.

Но вместо ключа женщина смешанных кровей протянула ей маленькую папку с карманом на правой внутренней стороне, где лежал пластиковый прямоугольник. На левой внутренней стороне – вероятно, его написали там, чтобы не подсмотрели потенциальные воры, – Сюзанна увидела номер снятой для нее комнаты: 1919. И несколько не удивилась. Миа, естественно, о такой ерунде и не думала.

Внезапно Сюзанна покачнулась. Ее повело в сторону. Пришлось взмахнуть рукой (в которой она держала «водительское удостоверение»), чтобы сохранить равновесие. Она уже думала, что валится на пол, но все-таки устояла на ногах.

– Мэм? – осведомилась девушка за регистрационной стойкой. На лице отразилась легкая, очень легкая тревога. – Вы хорошо себя чувствуете?

– Да, – кивнула Сюзанна. – Только... Вдруг закружилась голова, но теперь все в порядке.

Но не могла при этом не подумать: «А что, черт побери, произошло?» Впрочем, ответ она и так знала. Ноги-то принадлежали Миа. Миа! А Сюзанна «вела автобус» с того самого момента, как они встретили мистера Я-не-могу-взять-skolpadda, вот тело и начало возвращаться к прежнему, безногому состоянию. Бред какой-то, но правда. Тело приводило себя в соответствие со своей хозяйкой.

Миа, чего ты ждешь? Занимай мое место.

Не могу. Пока не могу. Займу, как только мы останемся одни.

Господи Иисусе, Сюзанна узнала этот тон, узнала его очень хорошо. Сучка стеснялась.

– Что это такое? – спросила Сюзанна девушку за регистрационной стойкой, указав на пластиковый прямоугольник. – Это ключ?

– Да, разумеется, сэй. Его используют как в лифте, так и для того, чтобы открыть дверь. Просто вставьте в прорезь и опускайте по стрелке. Когда загорится зеленый огонек, можете входить. У меня в сейфе чуть больше восьми тысяч долларов. И я отдам вам их все за эту прелесть, вашу черепаху, вашу skolpadda, вашу tortuga, вашу kavvit, вашу...

– Нет, – оборвала ее Сюзанна и вновь пошатнулась. Ухватилась за край стойки. Пол уходил у нее из-под ног. – Я иду наверх. – Она собиралась сначала зайти в сувенирный магазин и потратить часть денег Матса на новую рубашку, если их там продавали, но теперь понимала, что с покупкой рубашки придется повременить. Со всем придется повременить.

– Да, сэй. – Не мадам, не мэм, эти обращения забылись. Черепашка действовала. Стирала черту между мирами.

– Вы сразу же забудете, что видели меня, понимаете?

– Да, сэй. Отключить вам телефон?

Миа зашлась криком. Сюзанна даже не потрудилась ее успокоить.

– Нет, не нужно. Мне должны позвонить.

– Как скажете, сэй. – Глаза девушки не отрывались от черепашки. Ни на долю секунды не отрывались от черепашки. – Приятного вам отдыха в «Плаза-Парк». Позвать боя, чтобы он помог донести ваши вещи?

Неужели я выгляжу такой малахольной, что не могу донести эту ерунду? – вскинулась Детта, но Сюзанна лишь покачала головой.

– Очень хорошо.

Сюзанна начала поворачиваться, но следующие слова девушки за регистрационной стойкой заставили ее резко развернуться в обратную сторону.

– Скоро придет Король, король Глаза.

Сюзанна вытаращилась на девушку за регистрационной стойкой, ее удивление больше смахивало на шок. По рукам побежали мурашки. Лицо же красавицы оставалось бесстрастным. Темные глаза не отрывались от черепашки. Губы разошлись, теперь они выглядели влажными не только от блеска, но и от слюны. *Если я задержусь у стойки чуть подольше*, подумала Сюзанна, *слюна потечет по подбородку и начнет капать на пол.*

Сюзанне очень хотелось поговорить о Короле и Глазе, она понимала, сколь это важно, и могла поговорить, потому что именно она контролировала тело, «сидела за рулем автобуса». Но когда она опять пошатнулась, то поняла, что не может продолжить разговор, если, конечно, не хочет добираться до лифта на руках и коленях, с волочащимися позади пустыми штанинами. *Может, позже*, – подумала она, уже зная, что позже не получится. Потому что пружина катящегося к вечеру дня закручивалась все туже.

Она двинулась через вестибюль к лифту походкой бывалого моряка. Но, как выяснилось, женщина смешанных кровей сказала еще не все, и в ее голосе, хотя говорила она об ужасном, звучало лишь легкое сожаление.

– Когда придет Король и Башня рухнет, сэй, все красивые вещицы, вроде вашей, разрушатся. А затем наступит тьма и не будет ничего, кроме воя Дискордии и криков кан тоев.

Сюзанна ничего не ответила, хотя мурашки уже добрались до шеи, а волосы встали дыбом. Ее ноги (точнее, чьи-то ноги) быстро теряли чувствительность. Будь она в платье до колен, а не в джинсах, увидела бы она, как ее прекрасные новые ноги становятся прозрачными? Увидела бы, как кровь бежит по сосудам, ярко-алая – вниз, по артериям, более темная, отработанная, – вверх, по венам, к сердцу? Увидела бы переплетения мышц?

Она думала, что да.

Нажала на кнопку «Вверх», убрала орису в плетеную сумку, моля, чтобы один из трех лифтов открылся до того, как она упадет. Пианист переключился на «Штормовую погоду».

Двери среднего лифта раздвинулись. Сюзанна-Миа вошла в кабину и нажала на кнопку «19». Двери закрылись, но кабина не тронулась с места.

Пластиковая карточка, напомнила себе Сюзанна. Нужно воспользоваться пластиковой карточкой.

Она увидела щель, вставила в нее карточку, естественно, по направлению стрелки. И когда вновь нажала на кнопку с числом «19», кнопка засветилась изнутри. Мгновением позже кабина начала подъем, а Миа взяла управление на себя.

Сюзанна отступила в глубь салона, то бишь своего разума, испытывая облегчение и усталость. Да, пусть порулит кто-то еще, почему нет? Пусть кто-то еще «ведет автобус», хотя бы короткое время. Она чувствовала, как ноги наливаются силой и массой. И ее это вполне устраивало.

5

Миа могла быть чужаком в чужой стране, но училась она быстро. Выйдя из лифта на девятнадцатом этаже, заметила табличку со стрелкой и номерами под ней: 1911–1923, и быстро зашагала по коридору к номеру 1919. Зеленый ковер с высоким, густым ворсом мягко пружинил под ее

(их)

украденными туфлями. Она вставила ключ-карточку, открыла дверь, переступила порог. В номере стояли две кровати. Вещи она бросила на одну, огляделась безо всякого интереса, потом ее взгляд остановился на телефонном аппарате.

Сюзанна! – нетерпеливо.

Что?

Как мне заставить его звонить?

Сюзанна рассмеялась, вопрос действительно ее развеселил. *Сладенькая, ты не первая, кто об этом спрашивает, поверь мне. Может, миллионная. Он или зазвонит, или нет. Когда сочтет нужным. А пока почему бы тебе не осмотреться. Не поискать место, куда сможешь положить свою амуницию.*

Она ожидала возражений, но Миа спорить с ней не стала. Закружила по комнате, не сподобившись раздвинуть шторы (а Сюзанне очень хотелось взглянуть на город с высоты), сунулась в ванную (как во дворце, мрамор и множество зеркал), потом в стенной шкаф. И там, на одной из полок, рядом с пластиковыми мешками, в которые жильцы клали вещи, предназначенные для химчистки, стоял сейф. Надпись на нем Миа прочитать не смогла. У Роланда время от времени возникали аналогичные проблемы, но их причина таилась в различии между алфавитами английского языка и Высокого слога Внутреннего мира. Сюзанна полагала, что у Миа проблемы куда серьезнее. Хотя похитительница ее тела и знала цифры, Сюзанна сильно сомневалась, что мать малого вообще умеет читать.

Сюзанна выступила вперед, но не стала полностью перехватывать контроль над телом. Какое-то время смотрела двумя парами глаз на две надписи, отчего голова закружилась, а к горлу подкатила тошнота. Потом две надписи слились в одну, и она смогла прочитать написанное:

**ЭТОТ СЕЙФ ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ
ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЛИЧНЫХ ВЕЩЕЙ.**

**АДМИНИСТРАЦИЯ «ПЛАЗА-ПАРК-ХАЙАТТ» НЕ
НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСТАВЛЕННЫЕ В
СЕЙФЕ ВЕЩИ. НАЛИЧНЫЕ И ДРАГОЦЕННОСТИ
СЛЕДУЕТ ХРАНИТЬ В СЕЙФЕ ОТЕЛЯ В ВЕСТИБЮЛЕ.
ЧТОБЫ НАБРАТЬ КОД, НАЖМИТЕ НА ЧЕТЫРЕ**

**КНОПКИ С ЦИФРАМИ ПЛЮС «ENTER».
ЧТОБЫ ОТКРЫТЬ СЕЙФ, НАБЕРИТЕ ВАШ
КОД И НАЖМИТЕ НА КНОПКУ «OPEN».**

Сюзанна ретировалась и позволила Миа выбрать цифры. Та остановилась на единице и трех девятках. Набранный код совпадал в текущим годом, и грабители скорее всего попробовали бы эту комбинацию одной из первых, но по крайней мере он отличался от номера на двери. Кроме того, цифры Миа выбрала правильные. Цифры силы и власти. Знаковые цифры. Они обе это знали.

Задав код, Миа попробовала открыть сейф. Дверца не поддавалась, поэтому она последовала указаниям: вновь нажала на те же четыре кнопки с цифрами и на кнопку «OPEN». Внутри сейфа что-то зажужжало, дверца распахнулась. Она положила в сейф выцветший красный мешок с надписью ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДНЕГО МАНХЭТТЕНА, – ящик едва уместился на полке, и плетеную сумку с рисами. Закрывает и вновь заперла сейф. Подергала за ручку, убедилась, что дверца не открывается, удовлетворенно кивнула. Пакет от «Бордерс» по-прежнему лежал на кровати. Она достала из него пачку денег, сунула в карман джинсов – в тот, где не было черепашки.

Нужно купить чистую рубашку, напомнила Сюзанна незваной гостье.

Миа, дочь, не знающая отца, не ответила. Понятное дело, рубашки ей были до фонаря, чистые или грязные. Миа интересовал только телефон. И пока предродовые схватки не донимали ее, она не хотела думать ни о чем, кроме телефона.

А теперь мы посовещаемся, продолжила Сюзанна. *Ты обещала, и это обещание тебе придется выполнить. Но не в том банкетном зале. Ее перевернуло. Где-нибудь снаружи, слышишь меня, я прошу. На свежем воздухе. Тот банкетный зал пахнет смертью.*

Вновь Миа не стала спорить. У Сюзанны возникло смутное ощущение, что другая женщина роется в памяти, просматривает, отмечает, просматривает, отмечает... и, наконец, находит то, что может подойти.

Как мы туда попадем? – равнодушно спросила Миа.

Черная женщина, которая теперь являла собой двух женщин (опять), села на одну из кроватей, положила руки на колени. *Как на санках*, ответила Сюзаннина часть. *Я буду толкать, ты – направлять. И помни, Сюзанна-Миа, если ты хочешь, чтобы я тебе помогала, я должна услышать честные ответы.*

Ты их услышишь. Только не ожидай, что они тебе понравятся. Или что ты все поймешь. Что ты...

Не важно. О боги, никогда не встречала человека, который задает так много вопросов! Времени мало! Совещаться мы можем только до телефонного звонка. Поэтому если ты хочешь, чтобы...

Сюзанна не дала ей закончить фразу. Закрывает глаза и откинулась назад. Кровать не остановила ее. Сюзанна провалилась сквозь нее, падая все дальше и дальше, сквозь пространство, сквозь время. Откуда-то издали доносилось позвякивание колокольцев Прыжка.

Вновь я куда-то иду, подумала она. *И: Эдди, я тебя люблю.*

КУПЛЕТ: Кам-каммала – пой,
Славно, когда ты живой,
Славно взглянуть на Дискордию
Под Демонов луной!

ОТВЕТСТВИЕ: Кам-каммала – пой!
Даже во мгле ночной!
Лишь жить в этом мире,
Бродить в этом мире —
И славно, коли живой!

Строфа 6

Галерея в замке

1

Она падала в свое тело, и ощущение это вызвало воспоминание ослепляющей яркости: Одетта Холмс шестнадцати лет, сидящая на кровати в комбинации и натягивающая на ногу шелковый чулок. То мгновение, пока воспоминание держалось, нос щекотал аромат духов «Белые плечи» и запах мыла «Кусочек красоты» компании «Пондс», мыла ее матери и позавидованных у матери духов. Уже достаточно взрослая, чтобы ей позволяли душиться, она думала: «Это весенний бал! Я иду с Натаном Фриманом!»

Потом все ушло. Сладкий запах мыла «Пондс» сменил свежий и холодный (а иногда сырой) ночной ветерок, и осталось лишь чувство, такое странное и удивительное – растягивания нового тела, словно оно было чулком, который кто-то надевал на голень и колено.

Она открыла глаза. Ветер дул порывами, бросая в лицо мелкую пыль. Она прищурилась, скорчила гримаску, подняла руку, словно собиралась отразить удар.

– Сюда! – позвал женский голос. Не тот голос, что ожидала услышать Сюзанна. Не резкий, торжествующий клетот. – Сюда, здесь не так дует!

Сюзанна повернулась и увидела высокую милovidную женщину, махавшую ей рукой. И облик Миа во плоти изумил Сюзанну, потому что мать малого оказалась белой. Вероятно, в Одетте имелась некая белая составляющая, которая особенно раздражала Детту Уокер, исповедовавшую предельную расовую нетерпимость!

Она опять стала безногой и сидела на грубо сколоченной одноместной тележке. Стояла тележка у выемки в низком парапете стены. Сюзанна выглянула за парапет, и перед ней открылась самая жуткая, самая пугающая местность, какую ей только доводилось видеть в своей жизни. Гигантские скалы тянулись к небу и налезали друг на друга, уходя к горизонту. Блестели, как кости инопланетян, под яростным светом лунного серпа. На почтительном расстоянии от этой лунной усмешки сверкали мириады звезд. Среди скал, отвесных стен и обрывов вилась узкая, пропадающая вдали тропа. Глядя на нее, Сюзанна подумала, что любому отряду пришлось бы идти по этой тропе лишь колонной по одному. *Взяв с собой достаточно припасов. Тут не растут ни грибы, ни физалис*³⁶. А за всеми этими скалами тускло и злобно – источник находился за горизонтом – то разгоралось, то слабело темно-алое зарево. «Сердце розы, – подумала Сюзанна, и тут же пришла другая мысль: – Нет, кузница Короля». Она смотрела на пульсирующий, зловещий свет, ощущая свое бессилие, охваченная ужасом, не в силах оторвать взгляд. Сжаться... разжаться. Разгореться... притухнуть. Зараза, сообщающая о себе небу.

– Сейчас же иди ко мне, а не то вообще не сможешь прийти, Сюзанна из Нью-Йорка, – вновь позвала Миа, одетая в мексиканскую шаль из плотной материи и вроде бы кожаные штаны, оканчивающиеся чуть ниже колена. Голени были в струпьях и царапинах, на ногах – сандалии-гуарачи на толстой подошве. – Ибо Король может околдовать даже на расстоянии. Мы – в Замке на стороне Дискордии. Ты хочешь закончить жизнь на скалах у подножия этой стены? Если он заколдует тебя и прикажет прыгнуть, ты прыгнешь. И стрелков, твоих друзей, здесь нет, так что помочь тебе они не смогут, так? Нет, нет. Ты тут сама по себе, совсем одна.

³⁶ В оригинале рокебеггу, то есть фитолакка (лаконос) американская. Такое растение действительно есть, но ягоды его мало того что ядовитые, еще и не совпадают с приведенным ниже описанием.

Сюзанна попыталась оторвать взгляд от этого пульсирующего зарева, но поначалу у нее ничего не вышло. Паника пышным цветом расцвела в ее рассудке

(если он заколдует тебя и прикажет прыгнуть)

и она ухватилась за нее, как за спасительную соломинку, заострила и проткнула кокон страха, который обездвижил ее. Еще с мгновение напоминала статую, а потом так резко подавалась назад, что ей пришлось ухватиться за край тележки. Иначе свалилась бы на булыжники, вымостившие вершину крепостной стены. Очередной порыв ветра, словно в насмешку, плесканул пылью в лицо и волосы.

Но это притяжение... зачарованность... волшебство... как ни назови, отпустило, исчезло.

Она посмотрела на собачью тележку (так Сюзанна ее назвала, а как она называлась на самом деле, значения не имело) и сразу поняла, как с ней управляться. Большого ума для этого и не требовалось. Мула, который тащил бы ее, не было. Роль мула отводилась ей самой. Тележка эта и рядом не стояла с той удобной легкой инвалидной коляской, найденной в Топике, и поездка на ней разительно отличалась от прогулки на крепких, сильных ногах, которые довели ее от скверика на Второй авеню до отеля. Господи, как же ей не доставало ног. Уже не доставало.

Но не оставалось ничего другого, как обходиться без них.

Она ухватилась за деревянные колеса тележки, напряглась, ничего не добились, прибавила усилий. И когда уже смирилась с тем, что с «трона» придется слезать и добираться до Миа на своих четырех, колеса противно заскрипели, видать, давненько их не смазывали, и тележка покатила к Миа, стоявшей за квадратной каменной колонной. Колонн этих было великое множество, вместе с плавно закругляющейся стеной, они уходили в темноту. Сюзанна предположила, что в стародавние времена (до того, как мир сдвинулся) лучники использовали колонны для защиты, когда осаждающие стреляли по ним из луков или катапульт, а может, из чего еще. А потом выступали в проемы между колоннами и открывали ответный огонь. Как давно это было? В каком мире? И сколь близко от этого замка висит Темная Башня?

Сюзанна чувствовала, что достаточно близко.

Она толкала тяжелую, неудобную, скрипящую тележку и смотрела на женщину в мексиканской шали, стыдясь, что запыхалась, не проехав и двенадцати ярдов. Несколько раз она глубоко вдохнула влажный, с привкусом камня воздух. Колонны – вроде бы она припоминала, что назывались они *merlons*, – уходили вправо от нее. Слева она видела круглое озеро черноты, окруженное каменными, частично порушенными стенами. За чернотой, над дальней стеной, высились две башни, да только одна превратилась в руины, уничтоженная ударом молнии или мощным взрывом.

– Место, где мы стоим, – галерея, – объяснила Миа. – Дорожка тянется по всему периметру Замка-над-бездной, когда-то он назывался Замком Дискордия. Ты говорила, что тебе нужен свежий воздух. Надеюсь, этот тебе подойдет, ага, как сказали бы в Калье. Замок расположен далеко от Пограничья, на просторах Крайнего мира, совсем рядом с тем местом, где закончится ваш поход, найдете ли вы Башню или свою погибель. – Она помолчала, потом продолжила: – Скорее всего погибель. Однако мне нет до этого никакого дела, нет, отнюдь. Я – Миа, дочь, не знающая отца, мать одного ребенка. Я забочусь о моем малом и больше ни о ком. Кроме малого, мне никто не нужен, ага! Ты хочешь посоветоваться? Отлично. Я расскажу тебе все, что смогу, и только правду. Почему бы и нет? Так или иначе – мне-то без разницы.

Сюзанна огляделась. Когда повернулась к центру замка, оттуда, где, по ее разумению, следовало находиться внутреннему двору, на нее пахло гнилью. Миа увидела, как она поморщилась, и улыбнулась.

– Ага, они давно умерли, и машины, которые построили те, кто пришел позже, в основном остановились, но запах их смерти все еще висит здесь, не так ли? С запахом смерти это обычное дело. Спроси своего друга-стрелка, истинного стрелка. Он знает, потому что часть этого

запах – его работа. И немалая часть, Сюзанна из Нью-Йорка. Грехи миров висят на его шее, как гниющий труп. Однако он слишком далеко зашел в своей решимости и наконец привлек внимание сильных мира сего. Он будет уничтожен, ага, и те, кто стоит рядом с ним. Я ношу его смерть в своем животе, и меня это совершенно не тревожит. – Она вскинула подбородок к звездному свету. Шаль облегла набухшие груди... и, Сюзанна видела, раздутый живот. В этом мире Миа была беременной. Более того, на сносях.

– Задавай свои вопросы, я готова ответить, – продолжила Миа. – Только помни, мы существуем и в другом мире, в том, где мы связаны воедино, в одно целое. Мы лежим на кровати в гостинице, словно спим... но мы не спим, не так ли, Сюзанна? Нет. И когда телефон зазвонит, когда позвонят мои друзья, мы покинем этот замок и пойдем к ним. Если ты уже успеешь задать свои вопросы – отлично. Если нет – тоже отлично. Спрашивай. Или... может, ты не стрелок? – и ее губы изогнулись в пренебрежительной улыбке. Сюзанна подумала, что очень уж она наглая, да, действительно наглая. Слишком наглая для человека, который не сможет найти дорогу с Сорок шестой улицы на Сорок седьмую в том мире, куда они должны вернуться. – Так спрашивай же, говорю тебе!

Сюзанна вновь посмотрела на черный, разрушенный колодец, бывший когда-то сердцевиной замка, его центральную, самую укрепленную часть, с ареной для турниров, навесными башнями, подземельями и еще бог знает чем. Она изучала средневековую историю и помнила некоторые термины, но как давно это было. Конечно же, где-то там находился и банкетный зал, в который она ходила за едой, пусть и не так долго. Но это осталось в прошлом. Если Миа будет очень уж сильно на нее напирать или зайдет слишком далеко, она узнает об этом на собственной шкуре.

А пока, подумала Сюзанна, начнем с относительно простого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.